

115-16

1

802-13
122

СОВРЕМЕННАЯ

ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

—
1860.

какъ выражена эта мысль въ статьѣ: «Нѣчто о Риваролѣ» (*Вѣстн. Евр.* 1810, № 13), напечатанной уже послѣ *Писемъ русскаго путешественника*: «Немного философіи отдаляетъ отъ религіи, много философіи сближаетъ съ нею.» Мы не имѣемъ права предполагать вліяніе Лейбница, такъ какъ это предположеніе не подтверждается сочиненіями Карамзина; но вліяніе французскихъ писателей не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Мы распространились о статьяхъ г. Лыжина не безъ причины. Онѣ представляютъ, кромѣ объективныхъ ошибокъ, и субъективныя, какъ сказано было выше. Последнія происходятъ, во первыхъ, отъ заданнаго себѣ намѣренія отыскать въ самыхъ ясныхъ предметахъ что-либо особенное, диковинное, наперекоръ прямому смыслу и установленному понятію, которыя не могутъ же быть ложными потому только, что они установлены и прямы; во вторыхъ, отъ не менѣе намѣренной хитрости при рѣшеніи простыхъ вопросовъ. Мы находимъ и то и другое вреднымъ вообще для науки, и въ особенности для науки, разрабатываемой Русскими. Исторія нашей словесности требуетъ добросовѣстнаго, осторожнаго съ нею обхожденія. Не такъ давно существуетъ она, чтобы намъ можно было ею пресытиться. Въ ней еще много пробѣловъ, ничѣмъ не наполненныхъ, много пространствъ, ничѣмъ не осматрѣнныхъ. Съ большимъ трудомъ даешь она матеріалы для главнѣйшихъ своихъ отдѣловъ. Не загромождать ее произвольными догадками, фальшивыми положеніями, бесплодными гипотезами, а напротивъ очищать ее слѣдуетъ отъ всего этого хлама, вносимаго незнаніемъ или фантазіей. Первою заботой изслѣдователя должно быть существенное содержаніе науки. Вмѣсто этой заботы, не имѣющей мѣста безъ трезваго, воздержнаго взгляда на предметъ, мы поддаемся желанію непрерывно придумывать, поднимать новые вопросы, хотя еще не сладили съ старыми; насъ мучитъ жажда найти кладъ въ такомъ далекомъ мѣстѣ, куда воронъ костей не занасивалъ, а наше собственное, близкое къ намъ имущество, остается втунѣ; во что бы то ни стало намъ хочется открыть новую Америку, не поѣздивъ даже по окрестностямъ города, въ которомъ родились и умремъ. Вотъ эти-то задаваемые себѣ покушенія идти не проторенною дорогой, а пустыремъ, эту-ту наклонность рѣшать все сызнова, все иначе, безъ всякой надобности, а единственно ради оригинальности, эту-то неудержимую охоту придумывать праздные вопросы и должно выставить напоказъ, когда дѣло касается науки. Что г. Лыжинъ не свободенъ отъ безцеремоннаго обращенія съ тѣми предметами, о которыхъ рассуждаетъ, что у него заключенія вытекаютъ изъ посылокъ не по дѣйствительной между ними связи, а подъ ферулой заданнаго имъ себѣ вопроса и придуманнаго

заранѣ рѣшенія, это доказывается, кромѣ разсмотрѣнныхъ нами статей, другими его статьями: «Два памфлета временъ Анны Іоанновны», гдѣ Волинскій является составителемъ полоцкихъ лѣтописей, и «Мысль Волинскаго объ учрежденіи университета въ Россіи».

Если не слѣдуетъ увлекаться страстію къ поднятію праздныхъ вопросовъ, то не слѣдуетъ также и хитрить. Когда уже заданъ вопросъ — приступайте къ нему, не мудрствуя лукаво, не уклоняясь отъ прямого пути на окольные дороги. Ларчикъ открывается просто — и открывайте его просто. Вѣдь главное дѣло въ томъ, чтобы открыть, а не въ томъ, чтобы прослыть «мудрецомъ механики». Примѣры у васъ передъ глазами — Буслевъ, Пыпинъ, Тихонравовъ. Эти добросовѣстные изслѣдователи, конечно, не остановятся передъ выводами, естественно, свободно вытекающими изъ изслѣдованія; но и не будутъ тербить предметъ съ тою цѣлю, чтобы онъ непременно далъ желаемый ими отвѣтъ. Они берутъ лишь то, что, такъ сказать, живьемъ дается въ руки, и не ихъ вина, если любители праздныхъ вопросовъ раздуваютъ ученые выводы до такихъ крайнихъ предѣловъ, при которыхъ каждая истинная мысль становится нелѣпостію, если, на примѣръ, весьма понятное и благое уваженіе исторіи литературы къ народному элементу отечественной словесности и къ народной поэзіи вообще переходитъ въ камчадалское поклоненіе каждой книжонкѣ, гдѣ дѣйствуютъ Филатка и Мирошка, доступные простонародію, и въ камчадалское же пренебреженіе художественными образцами поэтического творчества, которыхъ простой народъ не въ состояніи не только понимать, но и читать. Главная цѣль ученыхъ изслѣдованій — истина; въ стремленіи къ ней и открытіи ея — главная ихъ слава. Но не велика слава походить на Сороку-философку Хемницера, которая доказывала, что хвостъ лисицы есть пятая нога ея, и что, слѣдовательно; у лисицы не четыре ноги, какъ прежде всѣ думали, а пять, какъ никто и никогда не будетъ думать.

А. Галаховъ.

ПУТЕШЕСТВУЮЩЕ КИРГИЗЫ.

Августа 24-го оставило Петербургъ общество путешествующихъ по Россіи Киргизовъ. Всего ихъ было человекъ пятнадцать. Въ Москвѣ намѣревались они провести пять сутокъ и оттуда располагали пуститься въ обратный путь, къ себѣ по домамъ.

Киргизская степь стала теперь лишь географическимъ терминомъ. Все пространство отъ сѣверо-восточныхъ береговъ Каспія вплоть до границъ западнаго Китая раздѣляется теперь на три «области»: область оренбургскихъ Киргизовъ, область сибирскихъ Киргизовъ и область Семипалатинскую, представляющую сплошное населеніе киргизскаго народа въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, двухъ съ половиной милліоновъ душъ мужскаго пола. Есть еще населеніе около 200 тысячъ душъ Киргизовъ—такъ называемая «Внутренняя» или «Букеевская Орда». Наши путешественники, прибывшіе въ Петербургъ 31 іюля, большею частью были изъ области оренбургскихъ Киргизовъ, перешедшихъ въ настоящее царствованіе изъ вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ въ непосредственную подчиненность и зависимость министерства внутреннихъ дѣлъ. Трое Киргизовъ, два «барина» и одинъ «слуга», пріѣхали изъ Букеевской Орды, лежащей въ предѣлахъ Астраханской губерніи и уже давно находящейся въ непосредственномъ управленіи министерства государственныхъ имуществъ. Всѣ эти путешествующія, по большей части почетныя и зажиточныя, а что всего важнѣе, должностныя и носящія русскіе оберъ и штабъ-офицерскіе чины лица, по происхожденію и наклонностямъ своимъ принадлежатъ къ киргизскимъ родамъ (поколѣніямъ), издавна извѣстнымъ непоколебимостію вѣроподданническихъ своихъ чувствъ къ Россіи. У Киргизовъ, по роду ихъ жизни и занятій, неизбѣжно долженствовавшихъ близко ознакомиться съ Хивой, Коканомъ и Бухарой и съ системой азіатской администраціи, весьма естественно должна была родиться мысль о проведеніи параллели между тѣмъ, что они хорошо знали объ азіатскихъ, сосѣднихъ къ намъ, владѣніяхъ, и тѣмъ, что тоже хорошо должны были извѣдать въ Россіи. Сближеніе этихъ глубоко-хранимыхъ въ душѣ впечатлѣній такъ было сильно, что несмотря на единство вѣры съ Среднеазійцами и на отсутствіе симпатіи Русскихъ къ Киргизамъ, у сихъ послѣднихъ все-таки сложилась въ народѣ поговорка, объясняющая ихъ приверженность къ Россіи и стремленіе сколько можно тѣснѣе сблизиться съ Русскими. Поговорку эту, сколько она мнѣ помнится, можно по нашему передать слѣдующими словами: «Не говори просто—Русскій; скажи: счастье наше.» Покиргизски оно выходитъ проще и лучше, да и игривѣе, вслѣдствіе созвучія начальныхъ словъ «Русскій» и «счастье».

Въ многоплеменномъ Петербургѣ, въ которомъ Невскій проспектъ старались выдавать намъ, по нѣсколькимъ иновѣрческимъ церквямъ, за осуществленіе провозглашенной у насъ свободы вѣроисповѣданія, въ Петербургѣ у насъ Киргизы рѣдкость; едва ли и пять человѣкъ ихъ здѣсь наберется. Они ходятъ

въ общеевропейской форменной военной одеждѣ и, за исключеніемъ лишь одного человѣка, ничѣмъ особеннымъ не представляютъ о своемъ существованіи. Этотъ одинъ—еще очень молодой кавалерійскій офицеръ, кажется штабъ-капитанъ по чину, кавалеръ Св. Владиміра по пожалованію, султанъ по происхожденію, Чаканъ по имени, Чингизовичъ по отчеству, Вали-Хановъ по фамиліи (отъ дѣда, хана Вали, по происхожденію султана). Г. Вали-Хановъ изъ сибирскихъ Киргизовъ; онъ совершилъ ученое путешествіе въ Кашгаръ, и нынѣшнею зимою прочелъ, въ одномъ изъ засѣданій Географическаго Общества, извлеченіе изъ отчета о своемъ путешествіи, извлеченіе, полное эрудиціи самостоятельной и взглядовъ истинно-гуманныхъ.

Изъ пріѣзжихъ гостей почти каждый привлекалъ на себя вниманіе какою-нибудь характеристическою особенностію: это былъ весьма счастливый подборъ лицъ готовыхъ на откликъ всему благородному, честному, прямодушному, всему, что только можетъ быть доступно самостоятельному, незнакому съ лишеніями и разумному степняку, развивавшемуся подъ вліяніемъ хивинско-російскихъ обстоятельствъ, но успѣвшему кое-что захватить и усвоить себѣ и изъ новѣйшей не «изящной», но «ученой» нашей литературы: всѣ наши лучшіе журналы лучшимъ людямъ киргизскаго народа хорошо извѣстны.

Не имѣя намѣренія знакомить васъ съ личностію каждаго изъ этихъ путешествующихъ по Россіи Киргизовъ, я чувствую потребность передать нѣсколько словъ о двухъ или трехъ изъ нихъ.

Изъ числа самыхъ старшихъ, поименую одного: это султанъ правитель западной части области Оренбургскихъ Киргизовъ, полковникъ и кавалеръ, султанъ (1) Мухаммедъ-Гали Тлукинъ. Ему лѣтъ пятьдесятъ; должность свою онъ занимаетъ давно, лѣтъ болѣе пятнадцати. Подъ его управленіемъ считается 60 тысячъ «кибитокъ», по нашему «дымовъ», семействъ киргизскихъ. Онъ глава части народа, нѣсколькихъ родовъ, занимающихъ кочевьями своимъ пространство, превышающее, полагаю я, площадь Испаніи и Португаліи. Въ его рукахъ сосредоточена администрація, полиція и высшій надзоръ за народнымъ судомъ всѣхъ, вѣренныхъ его управленію, Киргизовъ. Сердечная струна всѣхъ его помысловъ, сколько я могъ вывести изъ не прямыхъ и не положи-

(1) Султанъ-правитель — должность, въ нѣкоторомъ родѣ равнявшаяся прежде губернаторской, но съ назначеніемъ губернаторомъ г. Григорьева, султаны-правители подначальны уже ему. Просто «султанъ», это — генеалогическое достоинство, указывающее на происхожденіе, по прямой линіи, отъ Чингизъ-хана. Это киргизская аристократія, «бѣлая кость», благородные, хотя, въ массѣ, сильно обнищавшіе.

тельно высказанныхъ мыслей его и разсужденій, вызвать въ степь экспедицію ученыхъ людей, которые, ознакомившись съ киргизскимъ земледѣліемъ, скотоводствомъ и промыслами, сумѣли бы нагляднѣе передать Киргизамъ новѣйшіе успѣхи науки и практики и указали бы имъ возможность положительнѣе и быстрѣе идти къ развитію и матеріальному и моральному.

Изъ молодыхъ Киргизовъ, особенно привлекаетъ на себя вниманіе совѣтникъ «временнаго» совѣта управленія внутреннею Ордою, хорунжий и кавалеръ, ходжа (1) (то-есть человекъ, по прямой линіи происходящій отъ пророка Мухаммеда), Мухаммедъ-Салихъ Карауловичъ Бабаджановъ, мужчина 25 лѣтъ, съ правильнымъ, не скулистымъ, но матовымъ и нѣсколько темноватымъ лицомъ, съ прекрасными большими глазами, и съ изсиня черными волосами, которыхъ онъ на головѣ не брѣетъ. Г. Бабаджановъ владѣетъ изящною русскою рѣчью, говоритъ бойко и краснорѣчиво, разумѣется, когда предметъ разговора сильно его затронетъ. Несмотря на «духовность» своего происхожденія, онъ кончилъ свое образованіе въ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ и носитъ казачью форму. Изъ бесѣдъ съ нимъ, я могъ понять, что его сердечно затрагиваютъ особенно два предмета: одинъ, общій всѣмъ намъ—наша юстиція и уздныя жрецы Оемыды, а другой—зловредность невѣжественной татарской пропаганды между Киргизами и развращеніе народа примѣсю къ ученію Корана суевѣрныхъ повѣрій и преданій.

Третье сильно заинтересовавшее меня лицо—это «тарханъ», по нашему сказать «обѣльный» Киргизъ Семиродскаго рода, отдѣленія Кинджебай, управляющій при-камышъ-самарскою частію внутренней Орды. Имя его и фамилія—Губайдулла Исенбаевъ. Г. Исенбаевъ человекъ зажиточный: однѣхъ лошадей у него три тысячи; барановъ, разумѣется, нѣсколько десятковъ тысячъ. Ему лѣтъ подъ тридцать. На видъ онъ человекъ чрезвычайно добрый, чрезвычайно кроткій и чрезвычайно молчаливый. По-русски понимаетъ все очень хорошо, но говорить не въ силахъ, кромѣ короткихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Мысль, которою онъ, кажется, живетъ, есть возможное распространеніе между Киргизами просвѣщенія. Г. Исенбаевъ уже нѣсколько лѣтъ основалъ въ степи

(1) Ходжей—цѣлый родъ, то-есть цѣлое поколѣніе Киргизовъ. Они одни имѣютъ право на зеленый цвѣтъ. И «уранъ» у нихъ носитъ характеръ религіозный: «алла!» *Уранъ*—это воинскій, но не просто воинскій, а священно-воинскій кликъ, такъ-сказать «восторгающее воззваніе», слышавъ которое, принадлежащій къ «роду» долженъ бросить все и явиться, готовый, туда, гдѣ этотъ кликъ раздается. Общій уранъ для цѣлаго киргизскаго народа—Алашъ! Частныхъ урановъ много: уранъ и тамга у каждого рода Киргизовъ свои.

бесплатную школу. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что у Татаръ въ каждой деревнѣ, гдѣ только есть мулла, есть и училище: у мullahы учатся своей грамотѣ и своему закону татарскіе мальчики, а у мулликъ, жены мullahы, — дѣвочки. Во внутренней Ордѣ тоже учатся у мullahы и у ихъ женъ. На пятьдесятъ «кибитокъ» навѣрное одно «медресе», одно училище существуетъ непременно. По г. Исенбаеву не ограничился одною татарскою грамотой и Кораномъ; онъ созналъ необходимость распространить между Киргизами русскую грамоту и съ этою цѣлію нанялъ въ свое училище, кажется, двухъ русскихъ учителей; учениковъ же у него, въ настоящее время, 130 человекъ. Но вотъ что еще замѣчательно: примѣръ г. Исенбаева и, вѣроятно, его настоянія такъ сильно подействовали на соплеменныхъ ему чтителей Мухаммеда, поклонниковъ Корана, что иные отсылаютъ ребятишекъ своихъ учиться въ окрестныя русскія селенія и—вещь для меня доселѣ неслышанная—мухаммедане отдаютъ добровольно и съ большою охотой дѣтей своихъ къ русскимъ священникамъ для выучки русскому языку и русской грамотѣ. Киргизята живутъ у нашихъ поповъ по цѣлымъ зимамъ; по цѣлымъ зимамъ не видятся съ родными и, говорятъ, порядочно успѣваютъ. По мнѣнію г. Исенбаева, дѣло шло бы превосходно, еслибъ эти наставники умѣли учить Киргизятъ не по устарѣлой системѣ: «азъ, буки, вѣди, глаголь». Жаль, что Киргизамъ и нашимъ дальнимъ священникамъ незнакома метода г. Золотова: не мучились бы дѣти цѣлыми годами надъ Псалтыремъ или надъ гражданскою печатью. Полагаю не лишнимъ прибавить еще одну черту о г. Исенбаевѣ. Сосѣди Киргизовъ, уральскіе казаки не христіански, негуманно смотрятъ вообще на мухаммеданъ, а на Киргизовъ въ особенности. Притѣснить, опозорить, облаять, обмануть Киргиза ничемъ; Уралецъ изстари смотрѣлъ на Киргиза какъ на предметъ, которымъ можно всячески поживиться; человѣческихъ правъ его Уралецъ никогда не признавалъ; время, конечно, взяло свое, но Уральцы, какъ закоренѣлые, до послѣднихъ годовъ, раскольники, были не очень воспримчивы къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія. Въ общественной жизни они мало подвигались впередъ и благотворнаго вліянія на развитіе благосостоянія своихъ сосѣдей-Киргизовъ ничѣмъ оказать не могли; до сихъ поръ они болѣе враждебно чѣмъ братски смотрятъ на этихъ своихъ согражданъ. Для того, чтобъ этому изстари враждующему съ Киргизами населенію дать средства завести школы для образованія своихъ христіанскихъ дѣтей, г. Исенбаевъ въ нынѣшнемъ году принесъ въ даръ войсковой ихъ казны тысячу рублей.

Киргизамъ не удалось посѣтить здѣсь въ Петербургѣ воскресныя школы. Въ двадцать пять сутокъ, которыя они провели здѣсь

въ столицѣ подѣ бдительнымъ надзоромъ ѣхавшаго и жившаго вмѣстѣ съ ними русскаго чиновника, они осмотрѣли не многое, въ сущности дѣйствительно полезное для нихъ, хотя жаждали и напрашивались на все, что громко могло бы говорить имъ о величій ума человеческого и о торжествѣ науки надъ матеріальною природой. Первые, кажется, пять дней они нигде не выходили; потомъ стали ихъ возить на представленія; потомъ показывали то, что, какъ нарочно, огорчало ихъ, вмѣсто того, чтобы радовать, а подѣ конецъ путешественники наши, вслѣдствіе неудачъ и губернскихъ наставленій и запретовъ, впали въ такую апатію, что иные перестали выходить изъ комнатъ, иные сказались больными и предались безпросыпному сну, и всѣ разомъ стали торопиться скорѣйшимъ отъѣздомъ изъ Петербурга.

Проводниками идей о величій, могуществѣ и богатствѣ Россіи для Киргизовъ были: долгій путь изъ Оренбурга въ Москву, быстрая ѣзда безъ лошадей, на парахъ, изъ Москвы въ Петербургъ и изъ Петербурга въ Красное-Село и въ Царское-Село; многолюдство жителей деревень, селъ и городовъ; громада каменныхъ зданій въ столицахъ; изыскство, богатство и роскошь императорскихъ дворцовъ Зимняго и Царскосельскаго и, наконецъ, великолѣпный парадъ въ Красномъ-Селѣ всего гвардейскаго корпуса въ блестящихъ мундирахъ, бездна артиллерійскихъ орудій и удивительная выправка и маневрированіе войскъ. Понравилась Киргизамъ и поѣздка въ большомъ суднѣ, безъ парусовъ и безъ веселъ, а просто на парахъ въ Кронштадтъ, гдѣ поразили ихъ укрѣпленія, пушки и множество судовъ; но впечатлѣніе, произведенное на нихъ Кронштадтомъ, было нѣсколько смутно; это тѣмъ сильнѣе огорчало нашихъ путниковъ, что они издавна были наслышаны о европейской его славѣ и неприступности, но постигнуть это величіе и эту неприступность имъ не совсѣмъ удалось.

Возили Киргизовъ и по магазинамъ петербургскимъ, гдѣ у нихъ глаза разбѣгались на разные драгоценности; въ этомъ отношеніи, ихъ особенно поразили англійскій магазинъ. Магазины русскихъ издѣлій произвели меньше впечатлѣнія. Посѣтили Киргизы, то-есть *своили* разѣ Киргизовъ и къ пресловутому Излеру; вечеръ здѣсь провели они съ большимъ удовольствіемъ.

Вотъ, кажется, и все, что магически подѣйствовало на нашихъ кочевыхъ гостей. Все остальное принято было ими безъ особеннаго удовольствія. Это именно можно сказать о посѣщеніи монетнаго двора, музейнаго института, музея академіи наукъ (кунсткамеры), ботаническаго сада, Эрмитажа и Пулковской обсерваторіи.

Вотъ результатъ отзывовъ, высказанныхъ Киргизами объ этихъ

посѣщеній, отзывовъ сведенныхъ вмѣстѣ, хотя и высказанныхъ разновременно.

«Мы—Киргизы, народъ кочевой, живемъ исключительно скотоводствомъ. Покажите намъ ваши улучшенныя породы скота, втолкните намъ необходимость реформъ въ нашемъ хозяйствѣ. А реформы намъ необходимы: народъ размножается, скотъ сильно плодится, а земля у насъ въ томъ же количествѣ, что было и прежде. Мы, естественно, во многихъ мѣстахъ покидаемъ скотоводство и переходимъ на пашни. Покажите намъ ваше земледѣліе; познакомьте насъ съ вашими улучшенными орудіями; мы понимаемъ всю недостаточность нашихъ грубыхъ сабана и кетпена (1). У васъ есть фермы, есть выставки земледѣльческихъ инструментовъ, есть образцовыя хозяйства: — покажите намъ, дайте намъ наглядно уразумѣть превосходство европейскихъ изобрѣтеній и улучшеній передъ тѣмъ, къ чему мы у себя приглядѣлись, и въ чемъ, по вашимъ словамъ, обнаруживается вся грубость и вся неразвитость косиющей въ невѣжествѣ Азіи. Мы ничего этого не знаемъ и не видали. Мы не видали даже у васъ скачекъ; мы не можемъ понять, отчего скаковой призъ дается у васъ лошади, ея хозяину, тогда какъ, по нашимъ понятіямъ, призъ этотъ долженъ принадлежать не неразумному животному, не одному ея хозяину, а цѣлому отдѣленію родовой хозяйки выигравшаго призъ скакуна. Растолкуйте то же намъ, отчего, при желаніи нашемъ сообразоваться съ благими видами правительства и покориться историческому ходу событій, мы встрѣчаемъ препятствія въ естественномъ переходѣ къ осѣдлой жизни въ отдаленныхъ пустыняхъ Оренбургскаго края. Когда намъ рано еще было думать объ осѣдлой жизни — насъ поощряли обзаводиться домами, а теперь, когда мы чувствуемъ потребность строиться — намъ не дозволяютъ возводить въ степи жилыхъ зданій для себя. Въ нашей бѣдной, населенной степи мы сильно нуждаемся въ лѣсѣ: покажите намъ ваши лѣсные питомники, познакомьте насъ съ вашимъ искусственнымъ лѣсоразведеніемъ, дайте намъ уразумѣть наглядно возможность, дѣйствительность этого лѣсоразведенія, принимаемаго пока нами лишь за невѣроятную выдумку, клонящуюся не ко благу народа, а

(1) Сабанъ — обыкновенный татарскій, кое-какъ сложенный плугъ. Кетпень — инструментъ, родъ топора, употребляемый для земляныхъ работъ. Въ 1850 году, во время пребыванія моего на Златоустовскихъ заводахъ, я, въ самомъ Златоустѣ, видѣлъ въ одной изъ залъ, гдѣ хранятся разные любопытные предметы, киргизскій кетпень, съ приклеенной къ нему бумажкой, на которой значилось, что это «неизвѣстный инструментъ, употреблявшійся древними Мексиканцами». А изъ Златоуста рукой подать къ Киргизамъ: да и Башкирцы всюду кругомъ: какъ бы, казалось, не поразспросить у кого-нибудь изъ нихъ!

лишь къ его напрасному раззоренію. Растолкуйте намъ, что такое паръ? что такое газъ? что такое электричество и гальванизмъ? Растолкуйте намъ, что это не колдовство, а естественныя силы природы, которыя человѣкъ посредствомъ науки покорилъ своей власти. Дайте намъ уразумѣть то, что намъ выдаютъ за правду, будто бы у васъ, подъ Петербургомъ, въ Колпинѣ, есть громадный молотокъ, движимый паромъ, молотокъ, подъ которымъ расплющиваются въ тонкій листъ самые крѣпкіе металлы, и который, между тѣмъ, не разобьетъ стекла на карманныхъ часахъ, поставленныхъ подъ этотъ молотъ, если паденіе его рассчитать по какимъ-то черточкамъ и заставить его упасть немножко по выше того, гдѣ бы ему надлежало падать. Втолкуйте и объясните намъ, въ какой степени это не колдовство, а простое торжество умудреннаго наукой ума, что вы хотите теперь пересылать изъ города въ городъ капиталы по телеграфу. Растолкуйте какъ и отчего это можетъ случиться, что французскій императоръ Наполеонъ скажетъ у телеграфа: «чи-чи!», а французскій посланникъ въ Петербургѣ отвѣчаетъ ему въ ту же минуту: «здравія желаю!» и оба другъ друга громко слышать и хорошо понимаютъ? Водили насъ по монетному двору, но мы узнали только, что тутъ деньги дѣлаютъ, а какъ дѣлаютъ, кто дѣлаетъ, сколько дѣлаетъ, какую силу представляютъ тутъ машины—мы рѣшительно ничего не поняли, потому что намъ ничего не растолковали. Не забудьте, что мы полудикари, намъ все растолковать и все втолковать нужно. Какими темными людьми вступили мы въ залы музея Горнаго Института, такими же невѣждами и вышли оттуда, ровнешенько ничего тамъ не понявши. Тѣ же самые плоды принесло и посѣщеніе ботаническаго сада. Если нашли нужнымъ показать намъ его, то вѣроятно же есть въ немъ что-нибудь величественное, достославное и заслуживающее восхищенія и изученія. Мы видѣли травки, цвѣточки, дерева, а что въ нихъ толку—этого мы не поняли. Нашъ товарищъ, султанъ Илекей, даже обидѣлся. Бывало придешь, говорить, въ любой садъ въ Хивѣ—сейчасъ тебѣ, съ разными вѣжливостями, подадутъ сочную дыню, которая такъ сама, еще въ рукахъ, и таетъ; подадутъ огромную кисть чуднаго винограда, урюку, шапталы, али-бухары: ну, и чувствуешь, осязательно понимаешь положительную пользу садовъ, ихъ тѣнь, ихъ прохладу, ихъ пользу на снѣдъ человѣку; а тутъ что? только на водку съ насъ взяли, а растолковать опять-таки ничего не растолковали. Насъ потащили въ Кунсткамеру и Эрмитажъ; стыдливость нашихъ стариковъ только оскорбилась этимъ. Мы брюзгливы, мы люди женатые, солидные, не вѣтренники, а тутъ тысячи череповъ людскихъ, и мертвые, Богъ знаетъ для чего сохраненные въ спирту человѣчки и различные отвратительные для нашего глаза

члены человѣческаго тѣла. Мы не понимаемъ, какъ можно было тратить деньги милліонами на постройку зданія, обставленнаго изображеніями обнаженныхъ женщинъ: неужели ваши жены и дочери могутъ, не умирая отъ стыда, проходить мимо этихъ гнусныхъ изваяній? Въ картинахъ вашихъ мы толку не знаемъ: надо воспитываться особеннымъ манеромъ, чтобы находить въ картинахъ этихъ удовольствіе, другіе увѣряютъ даже—ограду въ жизни: нашему понятію мысль эта недоступна; намъ хотѣлось бы лучше посмотреть, напримѣръ, въ Петергофѣ великолѣпныя фонтаны, низвергающіе, говорятъ, изъ нѣдръ земли вверхъ, подъ небесный склонъ, цѣлые потоки воды. У васъ есть множество училищъ, и въ Петербургѣ, говорятъ, учениковъ и ученицъ, развивающихъ наукой свой умъ, считается нѣсколько десятковъ тысячъ: многимъ изъ насъ было бы очень желательно понять всю разницу между столичными институтами и нашими степными медресе. Да мало ли чего мы насмотрѣлись бы у васъ! Говорятъ у васъ передъ глазами, въ полчаса времени, можно видѣть какъ хлопчатая бумага превращается въ ситецъ и въ кисею, лень въ холстъ и полотно, трипки отъ этихъ матерій—въ бумагу, а бумага изъ нихъ въ газету? Все это у насъ въ степи считается колдовствомъ. Какъ было бы намъ пріятно понять эти превращенія, самимъ видѣть торжество ума, торжество науки, торжество Европейца надъ природой! Безъ этого пользы своимъ родичамъ мы не принесемъ; на это мы не пожалѣли бы ни времени, ни денегъ. А времени много пропало безплодно, и даромъ эта шутка намъ не обойдется. Теперь и мы поймемъ вашу поговорку, что *время—тѣ же деньги*.

Любопытно знать, въ какой мѣрѣ наши Киргизы остались довольны Москвою? Но такъ какъ пріѣзды нашихъ степняковъ въ столицы вѣроятно будутъ теперь учащаться, то я полагаю, что настоящія замѣтки были бы не лишними для соображенія тѣхъ, кому на будущее время ввѣрено будетъ посвященіе нашихъ полудикарей въ тайны величія и благоденствія Россіи. Слишкомъ мелочной надзоръ, слишкомъ строгое опекуновство и лишеніе свободного, взрослога и самостоятельнаго человѣка права свободно располагать своею личностію и своимъ временемъ, кажутся намъ плохими и очень ненадежными проводниками къ его развитію. Что за бѣда, что Киргизъ не захочетъ надѣть параднаго, связывающаго его костюма, предпочтетъ, вмѣсто кареты, простую пролетку, вздумаетъ вмѣсто кунсткамеры идти въ театръ или посѣтитъ татарскаго муллу? Зла и дурныхъ идей не опасешься на каждомъ шагѣ, да и какія зловредныя идеи могутъ проповѣдывать Киргизъ хоть въ Петербургѣ?..

С.-Петербургъ.
Августа 26.

Павелъ Небольсинъ.

СОВРЕМЕННАЯ

ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Каткова и К^о.

1860.

отъ недостатка надзора за нимъ; между тѣмъ какъ наши предводители должны почти совершенно бросить личный присмотръ за своимъ имѣніемъ, потому что живутъ постоянно въ городѣ. Кромѣ того, представитель дворянства, какъ предводитель цѣлаго сословія, а во многихъ случаяхъ ходатай въ нуждахъ дворянства, обязанъ входить въ сношенія съ людьми значительными и богатыми. Поддерживать знакомство съ такими лицами стоить не дешево, и совершенно не подѣ силу человѣку съ маленькими средствами. Нужно людей богатыхъ. А много ли у насъ въ уѣздахъ людей съ состояніемъ?

Устройство и привычки нашего общества далеко не подходятъ подѣ устройство и привычки въ Англіи. Мы давно привыкли видѣть, какъ все дворянство наше, богатое средствами и значеніемъ, сосредоточивается въ двухъ нашихъ столицахъ. Аристократія наша стремится ко двору, а за нею выѣзжаютъ изъ деревень въ Петербургъ и Москву всѣ имѣющіе хоть сколько-нибудь свободныхъ денегъ. Правда, есть исключенія; но они очень рѣдки, и тамъ, гдѣ встрѣчается больше этихъ исключеній, дѣла дворян идутъ лучше, и жизнь общественная развивается быстрее. Совсѣмъ другое направленіе общества видимъ мы въ Англіи. Тамъ первыя аристократическія фамиліи не считаютъ скучнымъ заниматься хозяйствомъ и посвящать почти цѣлую жизнь интересамъ своего округа, а потому и выборъ мировыхъ судей дѣло легкое. Правительству въ Англіи есть изъ кого выбирать достойныхъ мировыхъ судей, не обезпечивая ихъ жалованьемъ; между тѣмъ какъ уѣзды наши бѣдны людьми достаточными. Баллотирова предводителей, мы поневолѣ должны дѣлать выборъ между двумя, тремя личностями, можетъ-быть не совсѣмъ намъ симпатичными.

Легко было г. Герсеванову сказать, что людей, обманувшихъ ожиданія общества, закидаютъ черняками на слѣдующую баллотировку; да легко ли это сдѣлать? Когда не изъ кого выбирать, то поневолѣ довольствуешься тѣмъ Богъ послалъ. Да и странная попятія у г. Герсеванова о безкорыстіи. Развѣ всякій, берущій плату за труды свои, долженъ необходимо подвергнуться сомнѣнію въ своемъ безкорыстіи? Развѣ тотъ, кто беретъ жалованье, непременно обязанъ служить лицу, а не дѣлу? Развѣ всякій чиновникъ, расписывающійся въ полученіи жалованья, непременно будетъ брать подачки и благодарности, а черезъ недѣлю дѣлиться своей подачкой? Странная, грусть наводящая попятія!

Кромѣ предводителей дворянства есть много лицъ, служащихъ по выборамъ, и между ними не мало людей совершенно честныхъ и благородныхъ. Всѣ они берутъ жалованье, и нисколько не подвергаются недовѣрію общества. Почему же это должно

случиться съ предводителями? Не жалованье можетъ подорвать довѣріе къ человѣку, а его поступки. Честный человѣкъ всегда сумѣетъ остаться честнымъ, между тѣмъ какъ человѣкъ безъ правилъ найдетъ, какъ набить себѣ карманъ и безъ жалованья, что, къ несчастію, случается весьма нерѣдко.

Сколько прекрасныхъ и достойныхъ людей должны мы обходить потому только, что они не имѣютъ достаточнаго состоянія! Сколько пользы и добра, могли бы сдѣлать эти люди, еслибъ имѣли возможность быть предводителями дворянства! Должность эта имѣетъ большое значеніе, особенно въ настоящее время; а потому я думаю, что деньги, затраченныя на жалованье предводителямъ, будутъ не даромъ затраченныя деньги, ибо дадутъ возможность выбрать людей отличныхъ, которые, будучи честными и энергическими дѣателями, могли бы принести большую пользу для общества.

А. Готовцовъ.

1860 года 23 октября.
Быково.

КИРГИЗІЯ.

Старинный нашъ знакомый (не по личнымъ сношеніямъ, а по литературѣ), г. Павелъ Небольсинъ, недавно выступилъ (въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, № 17, въ статьѣ *Путешествующіе Киргизы*), съ теплымъ и задушевнымъ словомъ о Киргизахъ. Въ коротенькой статейкѣ онъ наговорилъ кучу любезностей нашимъ степнякамъ, посѣщавшимъ въ прошломъ августѣ Петербургъ. Дѣло похвальное. Отчегожь, въ самомъ дѣлѣ, и не заявить публикѣ о личностяхъ симпатическихъ, достойныхъ уваженія и сочувствія по своимъ нравственнымъ качествамъ, о личностяхъ, «готовыхъ на откликъ всему благородному, честному, прямодушному» и т. д.? Все это прекрасно, все это дѣлаетъ честь г. Небольсину, а пожалуй и всей Россіи, потому что изъ теплаго и задушевнаго слова степнякамъ,—послѣдніе, если и не познаютъ въ совершенствѣ, то будутъ, по крайней мѣрѣ, предощущать «благоденствіе и силу Россіи», а главное, «торжество науки надъ матеріальною природою» и т. п. Все это, повторимъ, прекрасно. Но... «зачѣмъ же стулья-то

ломать? Мы хотимъ сказать: г. Небольсинъ, восхваляя Киргизовъ, прокатился насчетъ уральскихъ козаковъ! Вотъ это, по нашему, далеко не прекрасно. Уральскій козакъ и Русскій человѣкъ суть лица тождественныя, потому что уральскій козакъ и Русскій человѣкъ, напримѣръ, купецъ, мѣщанинъ, крестьянинъ и т. п., живутъ одинаковою жизнью, духовною и нравственною: обычаи, нравы, взглядъ на вещи одинаковы какъ у козака, такъ и у Русскаго! Слѣдовательно, упрекъ (о которомъ будетъ сказано ниже), сдѣланный авторомъ *Путешествующихъ Киргизовъ* уральскимъ козакамъ, одинаково относится и ко всѣмъ Русскимъ. Увы! патріотизмъ г. Небольсина и его горячее увлеченіе воспыть похвальное слово Киргизамъ и выказать передъ ними «благоденствіе и силу Россіи» повергли послѣднюю въ стыдъ и срамоту! Что подумаетъ о Россіи Европа, прочитавъ *Путешествующихъ Киргизовъ* г. Небольсина? Что скажетъ Азія вообще и Блистательная Порта въ особенности? А сірійскія дѣла, чего добраго, примутъ исходъ неблагоприятный для христіанъ и выгодный для мухамеданъ!.. Что... Однако, остановимся. Мы слишкомъ бы далеко зашли, еслибы стали перечислять всѣ непріятности и огорченія, ожидающія Россію отъ выходки краснорѣчиваго и восторженнаго панегириста Киргизовъ. Приступимъ прямо къ дѣлу.

Исчисляя добродѣтели и благотворительные подвиги одного изъ Киргизовъ, г. Исенбаева, г. Небольсинъ говоритъ: «Полагаю не лишнимъ прибавить еще одну черту о г. Исенбаевѣ. Сосѣди Киргизовъ, уральскіе козаки (1) нехристіански, негуманно смотрятъ вообще на мухамеданъ, а на Киргизовъ въ особенности (2).

(1) Сосѣди Киргизовъ, замѣтимъ съ нашей стороны, не одни уральскіе козаки, а и пограничные жители западной Сибири, пограничные жители Оренбургской губерніи, живущіе по рѣкѣ Уралу и Илеку, выше уральскихъ козаковъ; наконецъ, все русское населеніе за лѣвымъ берегомъ Волги, примѣрно отъ Саратова и до Астрахани, и въ томъ числѣ *Плмцы*-колонисты! Численность уральскихъ козаковъ къ численности остальныхъ Русскихъ, живущихъ по сосѣдству съ Киргизами, относится какъ, напримѣръ, одна капля къ полному стакану воды.

(2) Желательно бы знать, какъ смотритъ на Киргизовъ и другихъ поклонниковъ Мухамеда, напримѣръ, на Башкиръ, остальное, кромѣ уральскихъ козаковъ, русское населеніе, живущее по сосѣдству съ мухамеданами, и часто претерпѣвающее огромныя убытки, а въ иную пору и совершенныя раззоренія отъ ихъ хищничества, конокрадства и тому подобныхъ доблестей? Положимъ, это частности. Но поговорка: «не во время гость хуже Татарина», и теперь еще въ ходу у всего русскаго народа; нехристь, погань! тому подобное, суть слова, доднесъ Русскими употребляемыя въ смыслѣ словъ бранныхъ и унижительныхъ. Такова сила исторіи! Слѣдовательно, дѣлать укоръ однимъ уральскимъ козакамъ за неблагоклонный взглядъ ихъ на Киргизовъ—довольно несправедливо.

Притѣснить, опозорить, облаять, обмануть Киргиза ни почему; Уралецъ изстари смотрѣлъ на Киргиза, какъ на предметъ, которымъ можно всячески поживиться; человѣческихъ правъ его Уралецъ никогда не признавалъ; время, конечно, взяло свое, но Уральцы, какъ закоренѣлые, до послѣднихъ годовъ, раскольникіи, были не очень воспріимчивы къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія (1). Въ общественной жизни они мало подвигались впередъ, и благотворнаго вліянія на развитіе благосостоянія своихъ сосѣдей-Киргизовъ ничѣмъ оказать не могли; до сихъ поръ они болѣе враждебно чѣмъ братски смотрятъ на этихъ своихъ согражданъ. *Для того, чтобы этому, изстари враждующему съ Киргизами населенію дать средства завести школы для образованія своихъ христіанскихъ дѣтей, г. Исенбаевъ въ нынѣшнемъ году принесъ въ даръ войсковой ихъ казны тысячу рублей (2).*»

Въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ заключается двоякаго рода смыслъ: первый, что уральскіе козаки, какъ народъ отсталой, несогрѣтый лучами западнаго (инога, восточнаго или сѣвернаго, мы не знаемъ) просвѣщенія, не могли оказать благотворнаго вліянія на Киргизовъ. Объ этомъ мы скажемъ слова два послѣ. Второй же, и самый существенный, смыслъ этихъ словъ слѣдующій: *Козаки-христіане обижаютъ Киргизовъ-мухамеданъ, а мухамедане за зло платятъ добромъ—приносятъ въ даръ деньги на пользу христіанскихъ дѣтей!*

Сказанное г. Небольсинымъ можетъ быть сносно въ устахъ Киргиза, которому бы вздумалось поднять голосъ въ защиту своего племени, но въ устахъ Русскаго, человѣка образованнаго, сказанное г. Небольсинымъ отзывается крайнею нагяжкой, парадоксомъ, пустымъ фразерствомъ, жалкимъ желаніемъ сдѣлать упрекъ козакамъ, упрекъ, нисколько незаслуженный ими,—короче, слова г. Небольсина въ высшей степени пахнутъ *киризо-маніей!*

(1) ... «закоренѣлые, до послѣднихъ годовъ, раскольникіи!» Что этимъ хотѣлъ сказать г. Небольсинъ? Мы понимаемъ, что г. Небольсинъ дѣлаетъ намекъ, что *съ послѣднихъ годовъ* козаки-раскольникіи уже не раскольникіи. Это правда, но такъ бы и слѣдовало сказать прямо, ясно. Да, не дальше какъ года два тому назадъ, *когда отнеслись къ Уральцамъ разумно*, если не всѣ раскольникіи, сколько ихъ было на Уралѣ, то огромное большинство ихъ обратилось въ пѣдра православной церкви! А это доказываетъ, что уральскіе козаки не до такой же степени были закоренѣлые; по крайней мѣрѣ лучи западнаго просвѣщенія, о которыхъ толкуетъ г. Небольсинъ, при разумномъ направленіи, не всегда могли отскакивать отъ нихъ, какъ горохъ отъ стѣны. Впрочемъ, что касается этого вопроса, то-есть лучей западнаго просвѣщенія, мы скажемъ нѣсколько словъ ниже.

(2) *Русскій Вѣстникъ* № 17, Сочр. Лѣт., стр. 45.

На это мы представимъ такъ-сказать осязательныя доказатель-ства въ своемъ мѣстѣ, а теперь займемся благотворительностію г. Исенбаева, которою г. Небольсинъ колетъ глаза Уральцамъ.

Всякое дальнѣе благо. Безспорно, всякая благотворительность достойна похвалы, а благотворительность Киргиза на пользу христіанъ достойна еще большей похвалы. Она во всякомъ случаѣ стѣитъ того, чтобы заявить о ней міру печатно, но заявляя о ней міру, къ чему примѣшивать тутъ разсужденія и замѣчанія, которыя не только не возвышаютъ цѣны добраго дѣла, но напротивъ, извращаютъ дѣло, само по себѣ чистое и доброе? Къ чему, говоря о благотворительности Киргиза, сопоставлять ей враждебность населенія, въ пользу котораго принесенъ даръ? Мы такого убѣжденія, что лишнія разглагольствія о благотворительныхъ подвигахъ не поставятъ ихъ выше того, чего они сами по себѣ стѣятъ. Напротивъ, нужно опасаться, какъ бы не выискались такіе скептики, которые могутъ не сойтись во взглядахъ съ г. Небольсинымъ, какъ съ восторженнымъ панегиристомъ, которые могутъ заподозрить чистоту побужденій благотворителя, которые могутъ, чего добраго, подумать, что благотвореніе и сдѣлано-то именно съ тою цѣлію, чтобы, при случаѣ, было чѣмъ попрекнуть Русскихъ, или имѣть основательную причину получить, напримѣръ, золотую медаль!.. Жаль, что г. Небольсину, какъ слишкомъ усердному панегиристу, не пришла на умъ такая простая мысль, когда онъ писалъ свою похвальную оду.

Мы, съ своей стороны, нисколько не сомнѣваемся въ чистотѣ побужденій Киргиза, принесшаго даръ войсковой козачей казнѣ, и не думаемъ умалять цѣны его филантропическаго подвига, но за всѣмъ тѣмъ не можемъ не заявить нашего мнѣнія, что какъ бы ни были чисты побужденія Киргиза, принесшаго казнѣ даръ, уральскіе козаки не должны изъ-за его дара нести упрекъ, какой сдѣлалъ имъ г. Небольсинъ. Еслибъ уральскіе козаки, въ отношеніи къ этому дару, остались въ совершенномъ невѣдѣніи, то и въ такомъ случаѣ совѣсть ихъ никакого угрызенія не испытаетъ, и не потому, что они, какъ говоритъ г. Небольсинъ, закоренѣлые раскольники, не очень воспримчивые къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія, а потому, что даръ этотъ сдѣланъ безъ ихъ вѣдома (подъ словомъ: *ихъ*, мы разумѣемъ народъ), помимо ихъ воли и желанія, — короче: даръ этотъ принесенъ не непосредственно имъ, а казнѣ, находящейся въ завѣдываніи администраціи! Итакъ, пустое фразерство г. Небольсина: «*Для того чтобы этому, изстари враждующему съ Киргизами населенію, дать средства завести школы для образованія своихъ христіанскихъ дѣтей, г. Исенбаевъ принесъ въ даръ войсковой ихъ казнѣ тысячу рублей*» — да мимо идетъ уральскихъ козаковъ! Пускай утѣшается имъ авторъ *Путешествующихъ Киргизовъ* и его *protégé*!..

Кстати о казнѣ. Уральскіе козаки, что касается до ихъ казны, не нищѣ; у козаковъ уральскихъ есть довольно порядочный капиталъ (болѣе милліона рублей сер.), скопленный въ недавнихъ годахъ отъ казачьихъ трудовъ. Капиталъ этотъ каждый годъ нарастаетъ и процентами, и новыми доходами. На этотъ капиталъ, безъ всякихъ стороннихъ, а тѣмъ болѣе киргизскихъ, пожертвованій, можно завести и содержать не только нѣсколько школъ, но и гимназію (при народонаселеніи въ 60—70 тысячъ). Но расходованіе этого капитала зависитъ не отъ козаковъ, а отъ администраціи. Справедливъ ли упрекъ, направленный противъ Уральцевъ краснорѣчивымъ авторомъ *Путешествующихъ Киргизовъ*?

Вотъ что еще:

Уральскіе козаки, хотя и «закоренѣлые раскольники», не мало, въ свою очередь, жертвуютъ денегъ не только на заведеніе и поддержаніе школъ для своихъ дѣтей, но и на памятники нѣкоторымъ русскимъ лицамъ. Правда, мы не слышали, чтобы уральскій козакъ или другой кто изъ Русскихъ, самъ по себѣ, принесъ въ даръ деньги на заведеніе татарскаго «медресе»; этой добродѣтели мы ни за кѣмъ изъ Русскихъ не знаемъ; этой добродѣтели, положительно можно сказать, нѣтъ и быть не можетъ за Русскими. И тому есть причина натуральная: Русскіе живутъ подъ державой государя христіанскаго. Русскіе не знаютъ *ни нашей, ни кадіевъ, ни муфтіевъ* и т. п., а знаютъ *губернаторовъ, атамановъ, архіереевъ* и т. п. А будь наоборотъ, напримѣръ управляй Уральскими козаками не *Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ*, свиты Русскаго Императора генералъ, а какой-нибудь *паша* Блистательной Порты, въ родѣ, напримѣръ, *Ахметъ-аги*, недавно разстрѣяннаго въ Дамаскѣ, за *гулкое обращеніе* съ христіанами; — тогда, можетъ-статься, и Уральскій козакъ принесъ бы что-нибудь, по силѣ-мощи, въ даръ мусульманскому медресе, — тогда, можетъ-статься, и г. Исенбаеву, хотя онъ «на видъ и чрезвычайно добрый», едва ли бы пришла въ голову такая благая мысль — нести казнѣ въ даръ деньги для христіанскихъ школъ! Ну, какъ бы г. Небольсину не понять такой простой вещи? Все киргизоманія виновата.

Вотъ что еще:

Между христіанскимъ населеніемъ въ Уральскомъ Казачьемъ Войскѣ есть довольно и мухамеданъ, Татаръ и Башкирцевъ (первыхъ болѣе 3.000, а послѣднихъ болѣе 5.000 душъ). Татары живутъ частію въ однихъ селеніяхъ съ Русскими, а частію въ особыхъ селеніяхъ между Русскими. Башкирцы же составляютъ особый сплошной кантонъ или *Отдѣленіе*, примыкающее южными границами къ Киргизской Букеевской Ордѣ, родинѣ и мѣсту дѣйствій г. Исенбаева. Какъ въ селеніяхъ, гдѣ живутъ козаки-

Татары, напимѣръ, на *Узеньяхъ* и *Чижаяхъ* (эти мѣста близко къ Киргизской Букеевской Ордѣ, особенно Узени, рядомъ съ Ордой),—такъ и въ *Башкирскомъ Отдѣленіи*, въ послѣдніе два-три года, много заведено школъ собственно для Татарчатъ и Башкиратъ. Здѣсь мы ставимъ точку, а за нею вопросъ: «Не для этихъ ли питомцевъ, своихъ единовѣрцевъ, г. Исенбаевъ принесъ казнь въ даръ тысячу рублей (1)?»

Въ видѣ дополненія, коснемся еще лучей западнаго просвѣщенія.

«Уральцы, какъ закоренѣлые, до послѣднихъ годовъ, раскольники, были не очень воспримчивы къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія...» сказалъ г. Небольсинъ въ видѣ упрека Уральскимъ козакамъ (см. выше, выписку изъ панегирика г. Небольсина г. Исенбаеву).

Неодержимые, благодаря Бога, никакою *маніей*, мы противъ этого не споримъ. Но, кстати, скажемъ вотъ о чемъ: какимъ путемъ лучъ западнаго (еще разъ замѣтимъ, что иного, восточнаго или сѣвернаго, не знаемъ) просвѣщенія можетъ проникнуть къ Уральскимъ козакамъ? Уральскіе козаки живутъ на востокъ, на рубежѣ Россіи съ Азіей, стало-быть не близко отъ Запада. Для того, чтобъ освѣтить и согрѣть Уральскихъ козаковъ, лучъ западнаго просвѣщенія долженъ пройти черезъ всю Россію, и совершить свое путешествіе, напимѣръ, отъ Москвы черезъ Владиміръ, Судогду, Муромъ, Арзамасъ, Ардатовъ, Алатырь, Кореунъ, Сызрань и другіе города, и черезъ множество деревень и селъ государственныхъ, помѣщичьихъ и разнаго другаго наименованія крестьянъ! Видите ли, какой длинный и многотрудный путь лучу западнаго просвѣщенія!.. Не скоро проберешься черезъ такую трущобу. Лучи западнаго просвѣщенія не атласъ, не бархатъ и тому подобные предметы роскоши; лучи западнаго просвѣщенія нельзя провезти на Уралъ ни на телегѣ, ни въ вагонѣ, ни даже на аэропланѣ: они сами собой могутъ проникнуть на Уралъ, въ этотъ удаленный уголокъ Россіи, *по не прежде, какъ сама Россія ими согрѣется*. Мы, конечно, не

(1) На этотъ вопросъ мы никакого отвѣта не даемъ: чего положительно не знаемъ, о томъ утвердительно и говорить не можемъ; но покорнѣйше просимъ кого-нибудь изъ Уральцевъ, живущихъ на Уралѣ и хорошо знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, разъяснить его, насколько возможно. Что, если, въ самомъ дѣлѣ, г. Исенбаевъ, принося казнь даръ, имѣлъ въ виду не христіанскихъ, а мусульманскихъ дѣтей, или, по крайней мѣрѣ, не однихъ христіанскихъ, но и мусульманскихъ дѣтей вмѣстѣ? Тогда упрекъ, сдѣланный отъ г. Небольсина Уральскимъ козакамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ Русскимъ, будетъ болѣе чѣмъ неосновательный!

ставимъ въ укоръ Россіи, что она, до послѣднихъ годовъ (выраженіе, заимствованное у г. Небольсина), не очень была воспримчива къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія; но въ извиненіе Уральцевъ, не можемъ не сказать, что если въ комнатѣ холодно, то на чердакѣ тепла нечего искать. Какъ человѣку, толкующему о лучахъ западнаго просвѣщенія, г. Небольсину, грѣшно этого не знать!—азбука не мудреная, и потому вовсе не слѣдовало бы пускаться въ ненужное краснорѣчіе о явленіи, всѣмъ и каждому извѣстномъ и понятномъ, и ставить Уральцамъ въ упрекъ, что они не могли оказать благотворнаго вліянія на развитіе благосостоянія Киргизовъ, тѣмъ болѣе не слѣдовало, что сосѣди Киргизовъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не одни Уральскіе козаки, а и пограничные жители Западной Сибири, и проч. и проч. А если ужъ неотвѣчивая киргизоманія вынуждала сдѣлать упрекъ за Киргизовъ, то приходится сдѣлать его не Уральскимъ козакамъ, этой горсти Русскихъ, занесенной въ такую даль отъ Россіи, а всей Россіи, потому что не на комъ другомъ, а на самой Россіи лежитъ призваніе согрѣвать лучами просвѣщенія Киргизовъ и иныхъ многихъ инородцевъ, потому что Уральскіе козаки, въ свою очередь, ждутъ этой теплоты отъ Россіи.

ЮЛІАНЪ ЖЕЛѢЗНОВЪ.

Москва.

8-го октября, 1860 г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

НОВАЯ КОНСТИТУЦІЯ АВСТРІЙСКОЙ МОНАРХІИ.

Главная новость послѣднихъ дней, составляющая предметъ разсужденій во всѣхъ журналахъ Европы, отодвинувшая на второй планъ все другое, пришла неожиданно изъ императорской Франціи и имѣетъ своимъ источникомъ волю Наполеона III. Императоръ Французовъ призналъ за благо, декретомъ 24 ноября,

другими. Лица, однажды отрѣшенные отъ должности по приговору общаго собранія, лишаются навсегда права участвовать въ управленіи.

Таковъ въ главныххъ чертахъ планъ проектированнаго г. Геллеромъ общества соединеннаго лѣсохозяйства и лѣсной торговли.

Читатели, конечно, замѣтили, что, кромѣ очевидно-полезныхъ нововведеній по внутренней организации акціонернаго общества, планъ этотъ заключаетъ въ себѣ два главные пункта, подлежащіе обсужденію:

1. Какъ обезпечить казнѣ сохранность ея имущества, и

2. Какъ опредѣлить то участіе въ прибыляхъ, которое должно быть предоставлено казнѣ.

Нельзя отрицать, что основанія комбинаціи, придуманныя г. Геллеромъ для соглашенія казеннаго интереса съ частнымъ, соответствуютъ этой цѣли и заслуживаютъ полнаго вниманія. При полномъ господствѣ гласности, составляющемъ существенную черту проекта, дѣйствительное количество прибылей не можетъ остаться неизвѣстнымъ, и слѣдовательно казна можетъ быть обезпечена въ томъ, что будетъ дѣйствительно пользоваться предоставленнымъ ей участіемъ въ прибыляхъ. Но другое дѣло, вѣрно ли опредѣлена мѣра участія казны въ прибыляхъ. Г. Геллеръ рѣшаетъ этотъ вопросъ а priori, на основаніи общихъ соображеній; онъ обезпечиваетъ казну сложною системою распределенія прибылей; но многіе могутъ возразить ему, что подобнаго рода вопросы могутъ быть разрѣшаемы не иначе какъ посредствомъ конкуренціи, и что поэтому необходимо дать этому дѣлу такую форму, которая не исключала бы конкуренціи и не устанавливала бы монополій. Передача всѣхъ лѣсовъ трехъ губерній, указанныхъ г. Геллеромъ, въ руки одного общества можетъ повести, если мы не ошибаемся, къ опасной монополіи. Несмотря ни на свое рациональное устройство, ни на гласность, узаконенную для всѣхъ его дѣйствій, акціонерное общество, пользующееся монополіей въ лѣсной торговлѣ цѣлаго края, легко можетъ получить казенный характеръ. Поэтому мы позволяемъ себѣ предложить почтенному автору обнародываемаго нами проекта вопросъ, не могли ли бы на пространствѣ трехъ губерній, указанныхъ имъ дѣйствовать нѣсколько акціонерныхъ обществъ, взаимно конкурирующихъ, и нельзя ли было бы опредѣлить долю участія казны въ прибыляхъ этихъ обществъ посредствомъ открытаго состязанія на торгахъ? Общества, ограничивающія свою дѣятельность меньшимъ количествомъ лѣсовъ и меньшимъ капиталомъ, могутъ слагаться легче; при этомъ условіи могутъ легче состояться состязательные торги. Количество акціонернаго капитала, конечно, слѣдовало бы опредѣлить на основаніи предварительнаго изученія мѣст-

наго лѣснаго хозяйства и состоянія лѣсовъ, принимаемыхъ отъ казны. Тутъ могутъ подать голосъ опытные лѣсничіе и лѣсоторговцы, и на основаніи ихъ голоса дѣло должно быть рѣшено до торговъ. Такъ напримѣръ, для эксплуатаціи лѣсовъ Кіевской губерніи можетъ быть опредѣлена одна сумма; для эксплуатаціи лѣсовъ Волынской губерніи—другая. Извѣстная доля этой суммы, предварительно опредѣленной, могла бы быть собрана прежде торговъ и представлена въ видѣ залога торгующимися учредителями будущихъ компаній. Но количество акцій, предоставляемыхъ казнѣ, было бы, въ такомъ случаѣ, опредѣлено на торгахъ, и вся операція по праведливости досталась бы тому изъ торговавшихся обществъ, которое дастъ больше акцій въ пользу казны. Мы высказываемъ это лишь какъ вопросъ, съ которымъ мы обращаемся къ Л. М. Геллеру, ожидая отъ него отвѣта и разъясненія. Г. Геллеръ предлагаетъ первый опытъ; въ дѣлѣ новомъ—мы очень хорошо понимаемъ это—состязательные торги не совсѣмъ уместны: нашъ вопросъ относится не столько къ первому примѣненію проекта г. Геллера, сколько къ дальнѣйшему приложенію началъ, имъ за-
явленныхъ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: ПУТЕШЕСТВУЮЩІЕ КИРГИЗЫ (1).

Въ первой сентябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за нынѣшній годъ, г. Небольсинъ напечаталъ статейку подъ заглавіемъ: *Путешествующіе Киргизы*.

Мы, Оренбургцы, давно знакомы съ авторомъ статьи; знаемъ, что лѣтъ десять назадъ проѣхалъ онъ по нашему отдаленному краю; пожилъ пріятно въ Оренбургѣ, немного въ Троицкѣ, немного на Уральской линіи, мимоѣздомъ посѣтилъ Башкирію, и напечаталъ потомъ (въ 1852 году) въ *Отечественныхъ Запискахъ* рядъ статей, подъ заглавіемъ: *Разказы проѣзжаго, относящихся до житія-бытія разномысленныхъ и разнохарактерныхъ обитателей этого края и заѣзжихъ въ немъ гостей*.

(1) Отвѣтъ мой не только предоставляю, но и покорнѣе прошу перепечатывать во всѣхъ другихъ повременныхъ изданіяхъ, если найдутъ его заслуживающимъ этой чести. *Авт.*

Статьи эти были для насъ особенно-интересны, потому что г. Небольсинъ, несмотря на очевидный недостатокъ въ немъ научныхъ знаній о Востокѣ и его обывателяхъ, успѣлъ, при тонкой наблюдательности, подмѣтить въ здѣшнемъ краѣ и передать публикѣ живымъ и бойкимъ языкомъ многое, о чемъ большинство читателей или вовсе до того не знало, или имѣло смутныя понятія. Достаточно указать на IX статью въ *Разказахъ про-пѣзаго*, о Хивинцахъ, гдѣ схвачены съ замѣчательно-вѣрнымъ тактомъ нѣкоторыя характеристическія стороны нашихъ невзрачныхъ сосѣдей, и на X статью въ тѣхъ же *Разказахъ*, о Киргизахъ, которые вышли изъ-подъ пера автора довольно рельефными. Несправедливо было бы не сказать, затѣмъ, объ изданныхъ г. Небольсинымъ въ 1855 году *Очеркахъ торговли Россіи съ Среднею Азіей*, составляющихъ трудъ весьма почтенный.

При такомъ установившемся здѣсь взглядѣ на предшествовавшія произведенія г. Небольсина объ Оренбургскомъ краѣ, понятно будетъ отчего мнѣ прежде всего хотѣлось пробѣжать статью того же автора, появившуюся въ первой сентябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* и такъ заманчиво озаглавленную: *Путешествующіе Киргизы*. Легко сказать, да не легко угадать, откуда бы появились у насъ такіе Киргизы? Разрѣзываю книжку на статейкѣ и вижу, что рѣчь идетъ просто объ отправленной минувшимъ лѣтомъ изъ Оренбурга киргизской депутаціи, при которой былъ я за пристава. Но, къ чему такое заглавіе, и отъ чего въ статейкѣ нѣтъ нигдѣ намекъ на офиціальныя характеръ этихъ путешественниковъ? Отъ того, изволите видѣть, почтенные читатели, что автору захотѣлось, по выраженію Гоголя, *подпакостить* ближнему, и бросить въ него камень изъ-за угла.

Г. Небольсинъ передаетъ въ своей статейкѣ, что вотъ, дескать, 24 августа, оставило Петербургъ общество путешествующихъ Киргизовъ (?), которые намѣревались провести еще сутокъ пять въ Москвѣ, и оттуда пуститься въ обратный путь, къ себѣ по домамъ; что это былъ весьма счастливый подборъ лицъ, *готовыхъ на откликъ всему благородному, честному, прямо-душному*, всему, что только можетъ быть доступно самостоятельному и разумному степняку, развившемуся подъ вліяніемъ хивинско-россійскихъ обстоятельствъ, но успѣвшему кое-что захватить и усвоить себѣ, не изъ «изящной», а «ученой» нашей литературы; но, къ сожалѣнію, жившій вмѣстѣ съ Киргизами русскій чиновникъ стѣснялъ ихъ свободу слишкомъ губернскимъ за ними надзоромъ; показалъ имъ въ Питерѣ немного, въ сущности дѣйствительно для нихъ полезное, и не обратилъ вниманія затѣзжихъ гостей на предметы, которые могли бы, между тѣмъ, имѣть для нихъ особенный инте-

ресъ, тогда какъ сами Киргизы напрашивались на все, что громко говорило бы имъ о величій ума человѣческаго и о торжествѣ науки надъ матеріальною природою; не растолковалъ, наконецъ, путешественникамъ хорошенько того, что имъ показывалъ. Въ заключеніе, г. Небольсинъ дѣлаетъ вопросъ: любопытно знать въ какой мѣрѣ наши Киргизы остались довольны Москвой?

Отчего бы автору и не начать прямо съ этого, то-есть не попытаться напередъ, какъ «путешествующіе Киргизы» провели время въ Москвѣ, что они тамъ видѣли, и на сколько остались довольны нашей бѣлокаменной? Тогда бы, можетъ-быть, и не понадобилось г. Небольсину писать статейки, гдѣ онъ на каждомъ шагу противорѣчить здравому смыслу, а очевидно-намѣреннымъ искаженіемъ дѣла можетъ ввести въ заблужденіе большинство русской публики, все еще мало знакомой съ здѣшнимъ отдаленнымъ краемъ, и заподозрить передъ нею добросовѣстность чиновника, выполнявшего при киргизской депутаціи не легкую обязанность гувернера, какъ весьма удачно, хотя, вѣроятно, и не совсѣмъ сознательно выразился авторъ.

Вотъ причины, вынудившія меня отвѣчать на статью г. Небольсина, въ сущности не стоящую возраженія на взглядъ тѣхъ, кто хорошо знаетъ и нашу степь и Киргизовъ.

Чтобы поближе познакомить читателей съ предметомъ, о которомъ трактуется въ этой статейкѣ, необходимо своротить немного на окольную дорогу: оно не лишнее и въ отношеніи къ самому автору, забывшему, какъ видно, азбуку Киргизскихъ степей оренбургскаго вѣдомства, пройденную имъ десять лѣтъ назадъ. Немудруно, впрочемъ, у насъ стариковъ память притупляется съ годами.

До 1853 года Киргизы оренбургскаго вѣдомства составляли двѣ отдѣльныя, такъ-называемыя, орды: одна Малая кочевала и теперь кочуетъ на лѣвой, вѣшной сторонѣ рѣки Урала; другая, Внутренняя, располагается по сую сторону Урала въ степяхъ Астраханской губерніи, примыкающихъ къ сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго моря.

Зауральскіе Киргизы занимаютъ своими кочевьями пространство земель, которое со стороны европейской и азіатской Россіи опредѣленно ограничивается Уральскою и Оренбургскою линіями и областью сибирскихъ Киргизовъ, въ направленіи же къ югу канскимъ, бухарскимъ, хивинскимъ и туркменскимъ предѣламъ оренбургское пограничное начальство считало обыкновенно въ своемъ подчиненіи всѣ кочевыя племена, располагающіяся по сую сторону р. Сыра отъ коканской на ней крѣпостцы Акъ-Мечети до впаденія этой рѣки въ Аральское море, потомъ (оглябая море къ

западу) вверху отъ черты, проведенной съ оконечности Айбугурскаго залива до Балканскаго залива на Каспійскомъ морѣ.

Въ административномъ отношеніи эта огромная площадь дѣлилась на три части: Восточную, примыкающую съ верхняго своего края къ Оренбургской линіи и къ Области сибирскихъ Киргизовъ, Среднюю, находящуюся между восточною и западною частями, и Западную, которая подходила внизу къ туркменскимъ и хивинскимъ предѣламъ.

Малою Ордою завѣдывала находившаяся въ Оренбургѣ пограничная коммиссія, подѣ начальствомъ оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора и въ зависимости отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ управленіи Киргизами коммиссія руководилась утвержденнымъ для нихъ 14 іюня 1844 года положеніемъ, и самое управленіе это именовалось *общимъ* въ отличіе отъ *частнаго*, которое учреждено внутри самыхъ киргизскихъ кочевьевъ. Въ головѣ частнаго управленія стояли султаны-правители, по одному въ каждой части; каждый изъ нихъ имѣлъ помощника, а для ближайшаго завѣдыванія прилинейными и степными Киргизами по нѣскольку дистанционныхъ и аульных начальниковъ и родоприводителей. Обязанности всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ опредѣлялись положеніемъ, въ общемъ очеркѣ, такъ: «надзоръ за поведеніемъ Киргизовъ, содержаніе ихъ въ порядкѣ и всегдашней вѣрности и послушаніи правительству, а также собраніе, по возможности, вѣрнѣйшихъ свѣдѣній о народонаселеніи и скотоводствѣ Киргизовъ и вообще приведеніе въ исполненіе мѣръ, какія будутъ предписываемы коммиссіей (§ 46).»

Въ отношеніи къ суду и исковой расправѣ, мѣстные киргизскія власти должны были ограничиваться однимъ наблюденіемъ за разбирательствомъ дѣлъ маловажныхъ, которыя предоставлено положеніемъ рѣшать по народнымъ обычаямъ, именно: о воровствѣ, кражѣ и воровствѣ-мошенничествѣ Киргизами у прилинейныхъ и другихъ жителей на сумму до 30 руб. серебромъ и т. п. мелкимъ проступкамъ, а по взаимнымъ искамъ Киргизовъ, когда цѣнность самаго иска не превышала 50 руб. серебромъ (§§ 57, 58 и 59); воровство-кража между Киргизами собственно на ту же сумму считалась исковымъ дѣломъ. Но и по такимъ дѣламъ § 65 положенія не лишалъ Киргизовъ права апеллировать въ пограничную коммиссію на мѣстное разбирательство въ Ордѣ. Султанамъ-правителямъ вѣнялось еще въ обязанность смотрѣть за правильнымъ взиманіемъ съ Киргизовъ покибиточнаго сбора (по 1 руб. 50 коп. серебромъ съ каждой кибитки), и чтобы въ этомъ отношеніи не было имъ ни какихъ притязаній; въ случаѣ же злоупотребленій доносить о томъ коммиссіи (§ 85).

Прочія дѣла большей важности, административныя, уголовныя

и исковыя, вѣдались коммиссіей; изъ этого исключались, однако, дѣла по убійству, разбою, барантѣ, измѣнѣ, возмущенію соплеменниковъ противу правительства, захвату въ неволю Русскихъ, за что Киргизы судились военнымъ судомъ (§§ 39, 53, 56, 57 и 58 положенія).

Предсѣдатель пограничной коммиссіи, состоя подѣ непосредственнымъ начальствомъ генералъ-губернатора, управлялъ ею на основаніи общихъ государственныхъ учреждений и не могъ дѣйствовать безъ посредства коммиссіи ни въ какихъ случаяхъ, кромѣ дѣлъ, которыя лично возлагались на предсѣдателя главнымъ начальникомъ Оренбургскаго края, или азійскимъ департаментомъ (§§ 29 и 30 положенія).

Съ занятіемъ, въ 1853 году, русскими войсками коканской крѣпости Акъ-Мечети на Сыръ-Дарьѣ (нынѣ фортъ Перовскій), кочующія по обоимъ берегамъ этой рѣки племена подчинены отдѣльному чиновнику министерства иностранныхъ дѣлъ, который, вмѣстѣ съ положенными при немъ чинами, введенъ послѣ въ штатъ 5 іюля 1854 года, для управленія сыръ-дарьинскою линіей.

Въ мартѣ 1859 года, управленіе зауральскими Киргизами, состоявшими въ непосредственномъ подчиненіи пограничной коммиссіи, перечислено въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ а въ декабрѣ того же года повелѣно: степь, занимаемую этими Киргизами, именовать областью Оренбургскихъ Киргизовъ, коммиссію—областнымъ правленіемъ, а предсѣдателя ея—управляющимъ областью; сыръ-дарьинскими же Киргизами завѣдывать по прежнему чиновнику министерства иностранныхъ дѣлъ, подѣ зависимостью послѣдняго и на основаніи особой инструкціи. Положеніе 14 іюня 1844 года, изданное для управленія оренбургскими Киргизами осталось въ отношеніи къ нимъ въ той же силѣ какъ и до переименованія зауральской степи въ область.

Я не рѣшился бы утомлять читателей этими мелочными подробностями, ежели бы г. Небольсинъ, подѣ очеркомъ личности одного изъ киргизскихъ депутатовъ, не сдѣлалъ такой выноски: «султанъ-правитель, должность, въ нѣкоторомъ родѣ равнявшаяся прежде губернаторской, но съ назначеніемъ губернаторомъ г. Григорьева, султаны-правители подчинены уже ему.» Ясно, что г. Небольсинъ писалъ нынѣшнюю статейку на-скоро и не потрудился заглянуть напередъ въ дѣйствующій сводъ нашихъ гражданскихъ законовъ, куда положеніе 1844 года вошло цѣликомъ; иначе, авторъ убѣдился бы, что власть у султановъ-правителей даже *ни въ какомъ родѣ не была губернаторскою*. Г. Григорьевъ, занимавшій должность предсѣдателя пограничной коммиссіи съ 1854 г., и въ 1860 г. только переименованный въ управляющіе областью оренбургскихъ Киргизовъ, какъ видите, никогда здѣсь гу-

бернаторомъ не былъ, и правъ, этому званію присвоенныхъ, не имѣлъ.

Точное число зауральскихъ Киргизовъ не извѣстно: народной переписи тамъ не было и произвести ее покуда нельзя; это, навѣрное, возбудило бы въ степи сильное волненіе. Соображаясь, однако, съ итогами покибиточной подати за послѣдніе годы и другими, имѣющимися въ виду здѣшняго начальства источниками, этихъ Киргизовъ можно считать приблизительно до 160 т. кибитокъ, или, полагая по 5 душъ на кибитку кругомъ, около 800 т. душъ обоего пола.

Мы не станемъ доискиваться, откуда идутъ Киргизы и какъ они жили и развивались прежде; намъ нужно покуда знать, въ какомъ ли положеніи этотъ народъ теперь, чтобы способенъ былъ, даже въ лицѣ лучшихъ своихъ людей, воспринять тѣ гуманныя идеи, о которыхъ г. Небольсинъ такъ высокопарно разглагольствуетъ въ своей статейкѣ, или думать объ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ.

Я уже прежде сказалъ, что Киргизы Оренбургской области дѣлятся на три части: Восточную, Среднюю и Западную, и вотъ что писалъ самъ авторъ статейки, восемь лѣтъ назадъ о той, другой и третьей въ *Разказахъ пропъжсаю* (ст. X. Киргизы).

«Западная и четвертая (1) части находятся, такъ сказать, подъ вліяніемъ хивинской цивилизаціи, хоть слово цивилизаціи рѣшительно не можетъ имѣть здѣсь примѣненія: гораздо вѣрнѣе будетъ, если я скажу, что онѣ находятся подъ вліяніемъ хивинизма; восточная часть, вслѣдствіе тѣхъ же географическихъ причинъ, находится подъ вліяніемъ бухаризма, а средняя составляетъ какъ бы переходъ отъ западной къ восточной. Можетъ-быть я выразился не совсѣмъ ясно, и потому объяснюсь проще.

«Вліяніе Хивы выразилось на Киргизахъ западной части тѣмъ, что эти Киргизы обладаютъ тою же суровостью и мрачностью характера, которыя составляютъ принадлежность Хивинцевъ, тою же необщительностью, загроублостью, дикарствомъ и жестокостью, которыя составляютъ характеристическія черты обитателей Ховарезма; у Киргизовъ этой части одинаковая съ Хивинцами наклонность къ хищничеству, одинаковы и другія стороны быта...

«У Киргизовъ восточной части мы замѣчаемъ совершенно другое: пестроту и яркость цвѣтовъ въ одеждѣ, щеголеватость, свѣтлый взглядъ, общительность, радушіе, веселость, миролюбіе, вѣж-

(1) Четвертая часть до сихъ поръ еще не открыта въ области, хотя г. Небольсинъ въ *Разказахъ пропъжсаю* и писалъ, что ее составляютъ Киргизы Адаевскаго рода.

ливость, услужливость, наконецъ наклонность къ удовлетворенію любознательности, воинственность безъ хищничества и другія, того же рода положительныя достоинства, усвоенныя здѣшними Киргизами, вслѣдствіе частыхъ торговыхъ сообщеній съ обитателями Бухарскаго владѣнія, которое, несмотря на всю отдаленность началъ общественной жизни отъ тѣхъ, къ которымъ мы привыкли въ Европѣ, все-таки стоитъ неизмѣримо выше чѣмъ владѣніе Хивинское...

«Мы сдѣлали раздѣленіе Киргизовъ оренбургскаго вѣдомства по длинѣ степи, по направленію отъ запада къ востоку; для полноты взгляда нужно произвести имъ еще новое дѣленіе по ширинѣ степи. Разумѣется дѣленіе это произвольное, но мнѣ кажется, что оно прояснитъ новую сторону предмета. Мы раздѣлимъ Киргизовъ, во первыхъ, на обитающихъ близъ сѣверныхъ окраинъ степи, или на прилинейныхъ; во вторыхъ, на кочующихъ близъ границъ имперіи; и третьихъ,—на занимающихъ среднія полосы степи.

«Прилинейные Киргизы отъ близкаго сосѣдства съ русскими казачьими селеніями, день-отъ-дня все больше и больше усваиваютъ себѣ начала нашей общественной жизни и, подвергаясь вліянію русской цивилизаціи, постепенно русьютъ. Результатъ прекрасный, весьма хорошо чувствуемый и самими Киргизами. Одно только жаль, что въ ближайшей подпочевкѣ къ Линіи руководитъ ихъ не исключительное желаніе усвоить себѣ плоды русскаго просвѣщенія, а одна лишь нужда, крайняя нищета и необходимость заработать насущный кусокъ хлѣба у Русскихъ. Киргизъ обдѣнѣетъ въ степи, потеряетъ лошадей въ барантѣ, или лишится барановъ въ непогоду: что же ему остается дѣлать? Или нищенствовать между своей братьей, или подкочевать къ Линіи и работать на Русскихъ, честнымъ образомъ наживая копейку.

«Истые Киргизы занимаютъ среднія полосы степи. Пастушеская, чисто патріархальная жизнь, баранта, какъ средство выкачать молодечество, торговля, какъ средство сбыта излишняго своего хозяйства и пріобрѣтеніе посредствомъ нихъ произведеній нашей заводской и мануфактурной промышленности, наконецъ хлѣбопашество, которое у Киргизовъ существовало, какъ извѣстно, еще при царькѣ Кучумѣ, и которымъ, въ видѣ особой промышленности, занимаются преимущественно капиталисты, киргизскіе богачи, давая этими заработками занятія бѣднѣйшимъ своимъ сословіямъ — вотъ главныя условія быта, отличающія истыхъ Киргизовъ отъ ихъ другихъ соотчичей. Если прибавить къ этому сознаніе твердости русской силы, знакомство съ коварствомъ и неправосудіемъ сосѣдственныхъ владѣній Средней Азіи, разумное

пониманіе преимуществъ, доставляемыхъ этимъ сравнительнымъ созерцаніемъ своего будущаго, невольное проникновеніе идеей законности и подчиненіе себя различнымъ элементамъ русской жизни, то мы, кажется, достаточно будемъ понимать Киргизовъ этой части степи.

«Что касается до дальнихъ Киргизовъ, въ мѣстностяхъ между морями, то, само собой разумѣется, здѣсь мы врядъ ли много найдемъ отраднаго; все это дикари, по географическому разобъщенію съ русскимъ міромъ, еще на долгое время остающіеся дикарями.»

Переходя, потомъ, къ исчисленію народонаселенія степи и матеріальнаго достатка ея обитателей, г. Небольсинъ говоритъ:

«Самое отдаленное и дикое поколѣніе Киргизовъ составляютъ Адаевцы, то-есть Киргизы рода Адаи. Родъ этотъ одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ и простирается до 20 т. кибитокъ. Адаевцы зимуютъ на Мангишлакѣ, на полуостровѣ Бозачи, правильнѣе Бозаджи (1), на нѣкоторыхъ островахъ Каспійскаго моря и частью на Усть-Уртѣ. Народъ этотъ совершенно дикій и чрезвычайно-безпокойный.

«Къ востоку отъ Адаевцевъ, на Усть-Уртѣ, кочуетъ тоже довольно-многочисленный родъ Чумичли-Табынъ, столь же дикій, какъ и Адаи, но гораздо болѣе миролюбивый. Число Чумичли-Табынцевъ полагаютъ въ 6 т. кибитокъ.

«Къ сѣверозападу Аральскаго моря, въ пескахъ Большіе Барсуки, зимуютъ весьма-сильныя отдѣленія Чиклинскаго рода, Джакаимъ, Джанкмычъ, Телеу и Кабакъ, всего до 10 т. кибитокъ. Это были такіе же дикари, какъ и Адаевцы, съ которыми они постоянно враждовали на западѣ, между тѣмъ, какъ на востокъ спорились съ отдѣленіями Кыпчака и Джаппаса и рѣдко упускали случай произвести баранту. Почти то же самое надо сказать о кочующихъ не много восточнѣе отсюда Чиклинцахъ, о Дюрткара по Иргизу, и о Кичкене-Чикли, по Тургаю.

«Такимъ образомъ дикихъ, грубыхъ, не поддавшихся нашей цивилизаціи родовичей мы находимъ, какъ уже выше замѣчено, собственно у дальнихъ Киргизовъ, на югѣ средней части невѣжественныхъ Дюрткара и Чикли, на югѣ западной части совершенныхъ дикарей Адаевцевъ и потомъ довольно миролюбивыхъ и покойныхъ Байулинцевъ, къ которымъ принадлежатъ рода Иссыкъ, Тазларъ и Черкесъ, Алимунинцевъ, къ которымъ принадлежатъ Китинцы (отдѣленіе Кити), и Семиродцевъ, къ которымъ принадлежатъ Табынъ и Тама, очень спокойные, но иногда враждующіе съ Байулинцами.»

(1) Будто и правильнѣе?

Въ восемь лѣтъ много уходитъ воды въ Уралѣ, но въ народной жизни такой періодъ времени не сдѣлаетъ большой разницы безъ какихъ-нибудь особенно крутыхъ переверотовъ; вотъ почему, приведенная здѣсь характеристика зауральскихъ Киргизовъ, кажется будто составлена сегодня. Невѣрностей въ ней много, и даже очень много, но онѣ, очевидно, происходятъ отъ того, что авторъ проѣхалъ Линію на почтовыхъ, въ степи видѣлъ одинъ уголокъ, не самъ присматривался къ Киргизамъ, а описывалъ ихъ по чужимъ разказамъ и потому естественно не могъ составить себѣ точнаго понятія о причинахъ того или другаго явленія въ бытѣ нашихъ степняковъ.

Прилинейные Киргизы не составляютъ, напримѣръ, одной сборной толпы выходцевъ изъ степи единственно отъ нужды или крайней нищеты, вслѣдствіе необходимости поправиться заработками у русскихъ жителей. Дѣйствительно, между этими Киргизами много такихъ бѣдняковъ, но девять десятыхъ прилинейнаго населенія все-таки Киргизы цѣлыхъ самостоятельныхъ родовъ, издавна тутъ кочевавшихъ, какъ Адаевцы по Усть-Урту и т. п. Еслибъ авторъ заглянулъ въ *Описаніе киргизъ-казацкихъ ордъ и степей*, Левшина, онъ нашелъ бы тамъ въ III части, на страницахъ 14 и 15, что Киргизы Яппаскаго, Джагалбайлинскаго, Кердеринскаго, Таминскаго, Табынскаго и Кирейскаго родовъ еще въ 1820 годахъ или всѣ, или болѣею частью проводили лѣто и даже зиму при Оренбургской и Уральской линіяхъ. Тамъ же эти Киргизы и теперь, исключая Джагалбайлинцевъ и части Кирейцевъ, у которыхъ съ проведеніемъ въ 1837 году Новой оренбургской линіи по прямой чертѣ отъ Орской крѣпости до города Троицка зимовки даже внутри новолинейнаго района.

Въ понятіяхъ Киргизовъ богатымъ считается все еще тотъ, у кого много скота. Это справедливо замѣтилъ г. Небольсинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ *Разказовъ*, но прилинейные Киргизы и въ этомъ отношеніи не бѣдны, а главное они давно смекаютъ, что извозъ товаровъ въ караванахъ и казенныхъ тяжестей въ степныя наши укрѣпленія, вывочка соли изъ степныхъ озеръ и продажа ея на мѣновыхъ дворахъ, сатовка при линіи и даже болѣе значительные торговые обороты съ дальними своими соплеменниками, въ Средней Азіи и на ирбитской и другихъ прилинейныхъ ярмаркахъ даютъ чистыя деньги; при деньгахъ же живется лучше, чѣмъ съ табунами. Въ общей массѣ прилинейные Киргизы пользуются не меньшимъ довольствомъ чѣмъ степняки.

Физіономія Киргизовъ восточной части у г. Небольсина слишкомъ подкрашена: они преимущественно склонны къ торговлѣ и, слѣдовательно, общительнѣе, смѣшлѣе и, пожалуй, смиреннѣе

своей братьи, кочующей въ средней и западной частяхъ, но смиреніе не потому только, что ведутъ торгъ съ Бухарой, а отъ того главное, что половина киргизскихъ родовъ, составляющихъ восточную часть происходятъ изъ Средней, Сибирской орды, которая относительно всегда была миролюбивѣ Малой; но, это все-таки Киргизы и имъ много нужно расти, чтобы походить на тѣхъ джентльменовъ, какими изобразилъ ихъ авторъ въ *Разказахъ* по исключительнымъ выдающимся типамъ должностныхъ людей, съ которыми привелось ему имѣть дѣло.

Кичкене-Чиклинцы располагаются лѣтними и зимними кочевьями въ Каракумъ и по Сыру; на Тургаи они никогда не заходятъ. Г. Небольсинъ смѣшалъ, вѣроятно, Кичкене-Чиклинцевъ съ отдѣленіями Аргынскаго рода: Тюмень-Чикты и Джугары-Чикты, дѣйствительно кочующими по Тургаямъ.

Хлѣбопашествомъ въ степи до сихъ поръ занимались и занимаются преимущественно не капиталисты Киргизы, въ видѣ особой промышленности, но бѣдняки, которыхъ потеря скота или другія бѣдствія вынудили приняться за «кетпень» (1) и соху. Хлѣбопашцы-промышленники между Киргизами покуда рѣдкое явленіе.

Оставимъ, однако, до времени *Разказы пропѣсга* и пойдемъ дальше. Съ тѣхъ поръ какъ авторъ ихъ посѣтилъ нашъ отдаленный край, Зауральская степь не оставалась, разумѣется, въ застоѣ.

Еще при г. Небольсинѣ открыта, въ 1850 году, въ Оренбургѣ школа на 30 киргизскихъ мальчиковъ съ цѣлю приготовленія способныхъ людей къ должностямъ въ Ордѣ и распространенія между Киргизами грамотности. Изъ этой школы выпущено уже въ 1857 и 1859 годахъ 22 воспитанника, изъ числа которыхъ два занимаютъ въ Оренбургскомъ и Уральскомъ степныхъ укрѣпленіяхъ, между прочимъ, мѣста учителей русскаго и киргизскаго языковъ въ учрежденныхъ тамъ приходскихъ училищахъ для дѣтей поселенцевъ. Въ 1859 году Высочайше разрѣшено прибавить въ школу еще 10 киргизскихъ воспитанниковъ на полномъ казенномъ содержаніи, какъ и прежніе 30, кромѣ того допустить туда 10 вольноприходящихъ русскихъ дѣтей, чтобы практическое изученіе тамъ русскаго языка шло успѣшнѣе, а учебные курсы вѣрно сравнять съ курсами школъ уѣздныхъ. Образованіе въ киргизской школѣ, которая состоитъ при областномъ правленіи, конечно, не широкое; Киргизамъ не напичкивается въ головы всего понемногу, за то они получаютъ направленіе, ко-

(1) Кетпень родъ мотыги.

торое не сбиваетъ на мертвую букву Корана, какъ въ казанскихъ *медресе* или въ каргалинскихъ (1) *мактубахъ*. Для болѣе полного воспитанія, въ Оренбургѣ существуетъ Неплюевскій кадетскій корпусъ, гдѣ давно учатся зауральскіе Киргизы, а по дополнительнымъ правиламъ, утвержденнымъ въ 1844 году, положено имѣть тамъ 30 бесплатныхъ вакансій для дѣтей этихъ Киргизовъ. Всѣ мальчики поступаютъ съ того времени во 2 (азиатскій) эскадронъ корпуса, гдѣ курсы значительно слабѣе, чѣмъ въ 1 (европейскомъ) эскадронѣ; однако оканчивающіе ученіе получаютъ все-таки хорошее для Киргизовъ развитіе. Изъ числа воспитанниковъ Неплюевского корпуса, выпущенныхъ въ степь, выписывали себя въ 1859 году по одному русскому журналу четверо, а такъ какъ два подписчика постоянно жили въ Оренбургѣ, состоя при областномъ правленіи, то лучшіе наши журналы дѣйствительно извѣстны были въ степи *двумъ* «лучшимъ людямъ», какъ выразился авторъ, который, судя по смыслу всей фразы, думаетъ, кажется, что въ здѣшней Киргизской области останеся только открыть университетъ.

Скоро откроется еще четыре киргизскихъ школы уже въ самой степи, именно по одной въ Оренбургскомъ и Уральскомъ укрѣпленіяхъ и двѣ на Сыръ-Дарьѣ; проектъ объ этихъ школахъ окончательно утвержденъ въ 1860 году. Каждая изъ нихъ устраивается на 25 человѣкъ, которые будутъ имѣть все казенное кромѣ одежды,—бѣднякамъ и она станетъ отпускатся отъ казны же. Въ школахъ предположено учить по ланкастерской методѣ: чтенію и письму на русскомъ и татарскомъ языкахъ, съ объясненіемъ грамматическихъ формъ, переводамъ съ русскаго языка на татарскій и обратно и первымъ четыремъ правиламъ ариметики. Срока пребыванія въ школахъ не опредѣляется, только далѣе четырехъ лѣтъ Киргизъ оставаться тамъ не долженъ, въ предупрежденіе тунеядства. Въ школы могутъ быть допускаемы и взрослые Киргизы, дѣти русскихъ поселенцевъ въ укрѣпленіяхъ.

Съ 1851 года положено начало прекращенію невольничества въ степи и дѣло съ тѣхъ поръ идетъ хорошо. Надобно знать, что у нашихъ Киргизовъ было много рабовъ-Персіанъ, Авганцевъ, Бухарцевъ и пр., попавшихъ въ степь исключительно почти перекупкой изъ Хивы или Бухары. Болѣе 300 подобныхъ несчастливцевъ выдано уже по начальству самими Киргизами, исключая, разумѣется, слишкомъ дальнихъ, у которыхъ можно

(1) Каргала или Сентовскій посадъ—татарское селеніе въ 18-ти верстахъ отъ Оренбурга. Каргала назадъ тому лѣтъ 30 была для магометанъ здѣшняго края нѣкоторымъ образомъ родъ Самарканда, но теперь утратила свой ученый авторитетъ.

взять невольниковъ только военною силою, а къ ней прибѣгаютъ здѣсь по крайней нуждѣ.

Съ занятіемъ въ 1853 году Акъ-Мечети и съ проведеніемъ скорѣ послѣ того русской линіи по рѣкѣ Сыру, коканское вліяніе на Киргизовъ оренбургскаго вѣдомства само собою слабѣтъ.

На Сыръ-Дарью отправлены въ 1857 году всѣ необходимыя принадлежности для устройства тамъ киргизской лѣчебницы. Въ Оренбургѣ, въ областное правленіе и въ степныхъ укрѣпленіяхъ, къ тамошнимъ медикамъ приходятъ часто Киргизы за лѣкарствами, которыми снабжаются на счетъ суммъ правленія—бѣдные бесплатно. Есть даже у насъ фельдшеръ изъ природныхъ Киргизовъ, кончившій курсъ въ фельдшерской школѣ при оренбургскомъ военномъ госпиталѣ.

Изъ степныхъ укрѣпленій могутъ получать Киргизы нѣкоторыя ссуды хлѣба въ случаяхъ нужды.

Съ 1828 года отъ Орской крѣпости до Уральскаго укрѣпленія ѣздить по почтовому тракту, на которомъ станціи содержатся Киргизами.

Дѣла по взаимнымъ претензіямъ между Киргизами разбираются теперь не рѣдко, по ихъ же собственнымъ настояніямъ, черезъ посредство русскихъ чиновниковъ, которымъ довѣряютъ уже степняки больше, чѣмъ своимъ должностнымъ соплеменникамъ.

Явленія отрадныя, осязательно показывающія, что труды русскаго правительства въ отношеніи къ Степи не пропадаютъ даромъ, но не слѣдуетъ забывать, что она находится все-таки въ исключительномъ положеніи; поэтому, въ промежуткѣ времени, когда съ одной стороны готовились и осуществлялись эти явленія, съ другой стороны возмущается бій Чиклинскаго рода Исеть Кутебаровъ, и убиваетъ султана-правителя средней части Области (1), а бій Чумичли Табынскаго рода Даутъ Асавовъ намѣревается сдѣлать то же съ султаномъ-правителемъ западной части (въ 1855 году); Кичкене-Чиклинецъ Джанходжа Нурмухаммедовъ, осаждастъ на Сыръ-Дарьѣ фортъ № 1-го (въ 1856 году), и подстрекаемые Хивою Адаевцы начинаютъ баранту съ Туркменами, которые отложились отъ нея вслѣдъ за усобицей, начавшейся послѣ смерти, въ 1855 году, Мухаммедъ-Эминъ-хана, погибшаго въ схваткѣ съ Персіянами подъ Серахсомъ.

Очень бы ошибся тотъ, кто, не зная хорошо ни историческаго развитія Киргизовъ, ни ихъ нравовъ и быта, ни мѣстныхъ обстоятельствъ Оренбургскаго края, сталъ бы винить одно здѣшнее

(1) Въ шайкѣ Исета было не мало и, такъ-называемыхъ, истыхъ Киргизовъ, у которыхъ г. Небольсинъ видитъ такъ много сочувствія къ русскимъ интересамъ и пониманія нашей силы.

начальство за прописанные безпорядки, или, еще хуже, придавать имъ кавказскіе или алжирскіе размѣры; въ сущности всѣ эти баранты и бунтишки на киргизскую руку, явленіе довольно-обыкновенное у народа, который въ одномъ углу торгуетъ, а въ другомъ воруетъ. Пограничное начальство убѣждено твердо и не безъ основаній, что при нынѣшнемъ положеніи степи, въ ней не можетъ уже повториться тѣхъ ужасовъ и кровавыхъ сценъ, какіе совершались тамъ зачастую, еще на нашей памяти, не далѣе какъ 35 лѣтъ назадъ; оно понимаетъ также, что въ общемъ ходѣ дѣлъ, вспышки послѣдняго времени не сильны остановить Киргизовъ на пути къ цивилизаціи, по которому неуклонно ведетъ ихъ русское правительство. Съ бунтомъ Исета давно покончено; Даутъ по силѣ возможности усердствуетъ намъ въ качествѣ управляющаго Каракуйлыевымъ отдѣленіемъ Чумичли-Табынскаго рода; Джанходжа спитъ въ сырой землѣ, а къ искорененію баранты между Туркменами и Киргизами принимались всѣ мѣры, какія во власти здѣшняго начальства, и не оно, конечно, причиною, ежели мѣры эти не совсѣмъ удались, при извѣстномъ вѣроломствѣ Туркменовъ; больше же отъ того, что пока не уничтожится вліяніе хивизма на южную сторону зауральской степи, тамъ ничего рѣшительнаго и предпринять нельзя.

И черезъ какое еще посредство приходится проводить въ степь, ту или другую правительственную мѣру: неудержимая страсть къ наживѣ, кляузничество и всякіе фальшивые поступки довольно обыкновенны между всѣми почти безъ исключенія должностными Киргизами; несмотря на это, начальство вынуждено ихъ терпѣть на службѣ по весьма простой причинѣ: безъ нихъ не обойтись въ степи, ни сдѣлать ничего нельзя, да и замѣнить ихъ нечѣмъ, потому что взглядъ на значеніе власти у Киргизовъ свой, особенный, ни сколько не похожій на европейскій. Киргизъ не понимаетъ, что такое истинный долгъ и прямая честь и отъ того властью дорожить единственно, какъ средствомъ къ достиженію личныхъ видовъ. Самые пороки должностнаго люда коренятся въ народныхъ обычаяхъ, и по этому могутъ-быть уничтожены, или, по крайней-мѣрѣ, ослаблены лишь временемъ и просвѣщеніемъ, а послѣднее только-что начинаетъ прививаться къ Киргизамъ. Въ семьѣ, само-собою, не безъ уroda, слѣдовательно и между должностными встрѣтишь изрѣдка хорошаго и честнаго человѣка. Отрадно и то, что сближеніе съ Русскими, развитіе торговли съ ними и многія другія отношенія, установившіяся въ послѣднее время въ степи, имѣютъ неизбежное вліяніе и вообще на киргизское чиновничество, такъ что пороки его проявляются теперь не въ такомъ грубомъ видѣ, какъ двад-

чать пять лѣтъ назадъ. Съ замѣной подобнаго чиновничества обучающимися въ Неплюевскомъ корпусѣ и здѣшней киргизской школѣ воспитанниками, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ служатъ и теперь по частному степному управленію, характеръ этого чиновничества будетъ, конечно, уступать мѣсто лучшимъ понятіямъ и болѣе облагоустроенному направленію. Но это пока при-сказка, а сказка еще впереди.

Не забудемъ, въ заключеніе, что Киргизы по природѣ чрезвычайно пылки, особенно въ началѣ, хотя остываютъ скоро, и, какъ всѣ Азіатцы, очень не доверчивы: Киргизъ, даже самый благовоспитанный, во всемъ подозрѣваетъ заднюю мысль. Поэтому, всякое нововведеніе возможно въ степи только при обдуманной осторожности, основанной на совершенномъ знаніи Киргиза и мельчайшихъ особенностей его характера. Въ доказательство приведу одинъ примѣръ: я уже сказалъ выше, что въ 1844 году, утверждены для здѣшняго Неплюевского корпуса дополнителныя правила, по которымъ предоставлялось въ немъ тридцать бесплатныхъ вакансій, для дѣтей зауральскихъ Киргизовъ; при объявленіи имъ этой милости, чуть не случился бунтъ, они тотчасъ перетолковали, будто ихъ дѣтей хотятъ брать въ корпусъ, съ цѣлію отдавать потомъ въ солдаты.

О Внутренней ордѣ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ послѣдняго десятилѣтія помѣщено нѣсколько монографій, но онѣ даютъ слабыя понятія о ея обитателяхъ, и нисколько не удовлетворяютъ тѣхъ, кто близко знакомъ съ Оренбургскимъ краемъ. Причина неудовлетворительности заключается въ томъ, что орда описывалась преимущественно или заѣзжими гостями, которые не были въ ней дальше такъ-называемой Ханской ставки, единственнаго тамъ селенія, гдѣ помѣщается все главное управленіе ордою, и учреждены двѣ ярмарки въ году, весенняя и осенняя, или людьми, которые не сумѣли обобщить разностороннихъ особенностей быта Киргизовъ этой орды. Ежели взять западную часть Зауральской области, да наставить по ея ауламъ сотню-другую невѣжественныхъ и магометански-полуграмотныхъ муллъ, предоставивъ имъ полную свободу испортить лучшихъ дѣятелей въ этой части, то-есть, чтобы послѣдніе нѣсколько отатарились и утратили изъ роднаго быта многія хорошія стороны, это будетъ, почти безъ ошибки, та же Внутренняя орда въ 1845 году. Съ кончиною въ томъ году послѣдняго ея хана, управляетъ ордою временный совѣтъ, гдѣ первенствующій составъ русскій, слѣдовательно и другое направленіе. Впрочемъ, надобно сказать, что, несмотря на всѣ мѣры, употребленныя до 1845 года, къ развитію во Внутренней ордѣ татаризма, большинство ея обитателей остаются все еще тѣми же Киргизами, какими были

прежде, что не можетъ не радовать людей, понимающихъ на сколько даже дикій степнякъ лучше сбитаго муллою съ пути Татарина. Избави васъ Богъ, читатель, заподозрить, что ниже-подписавшійся принадлежитъ къ числу или закоснѣлыхъ рутинеровъ, или поборниковъ національной исключительности, нисколько: я человѣкъ совершенно русскій и православный, это правда, но въ то же время отъ всей души и искренно сочувствую и нашему Киргизу и остзейскому Латышу; я иду только противу принциповъ магометанства, враждебныхъ началамъ истинной цивилизаціи, чего никто, надѣюсь, отвергать не будетъ.

При Ханской ставкѣ существуетъ киргизская школа еще со временъ послѣдняго хана Джангера, гдѣ учатъ и русскому языку. Въ Неплюевскомъ корпусѣ воспитываются дѣти Киргизовъ Внутренней Орды, съ основанія этого заведенія въ 1825 году, а по дополнительнымъ для корпуса правиламъ 1844 года, вѣрно имѣть тамъ для этихъ дѣтей десять бесплатныхъ вакансій. Молодыхъ людей, кончившихъ курсъ во 2-мъ эскадронѣ корпуса, найдется въ Ордѣ, можетъ-быть, человѣкъ пятнадцать, или около того. О «лучшихъ людяхъ», которымъ извѣстны наши лучшіе журналы, можно сказать безъ малаго тоже, что сказано о подобныхъ людяхъ въ Области оренбургскихъ Киргизовъ.

Итакъ, мы, кажется, познакомились и съ зауральскими Киргизами и съ Киргизами Внутренней Орды на столько, на сколько нужно, чтобы показать г. Небольсину всю несостоятельность идеи, положенной имъ въ основаніе своей статейки: *Путешествующіе Киргизы*. Этимъ теперь я займемся.

По обзорѣ бывшимъ оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ Катенинымъ въ 1858 году зауральской степи, онъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на посылку время-отъ-времени въ С.-Петербургъ по нѣскольку человѣкъ Киргизовъ оренбургскаго вѣдомства, для ближайшаго ознакомленія ихъ съ могуществомъ и блескомъ Имперіи. Это, пожалуй, была не новость, еще зимою 1846—1847 и 1849—1850 гг. отправлялись отсюда Киргизы въ Петербургъ, и тамъ имъ показывали все, что только заслуживало любопытства или вниманія.

При посылкѣ въ 1859 году въ столицу, на основаніи новаго разрѣшенія, третьей, по счету, киргизской депутаціи, въ которой находился, между другими степняками, и Исегъ Кутебаровъ, виновникъ мятежа 1855 года, въ послѣдствіи прощенный, къ депутаціи присоединены, по прежнимъ примѣрамъ, на половину должностные Киргизы изъ Оренбургской области, отъ Сырдарьинскаго управленія и изъ Внутренней Орды, чтобы они также усвоили себѣ болѣе точное представленіе о величіи, богатствѣ и силѣ Россіи.

Въ 1860 году отправлена отсюда въ Петербургъ четвертая депутація. Въ составъ ея были,

Отъ Области оренбургскихъ Киргизовъ,

Восточной части: султанъ-правитель ея есаулъ султанъ Мухаммедъ Джантюринъ и Бій Джугары-Чиктинскаго отдѣленія Аргынскаго рода, заурядъ-сотникъ Беремжанъ Чигеневъ; средней части: управляющій Чумекеевскимъ родомъ, войсковой старшина султанъ Ирмухаммедъ (Илекей) (1) Касымовъ и Чиклинскій Бій Кабакова отдѣленія Азбергень Мунайтмасовъ; западной части: султанъ-правитель ея, подполковникъ султанъ Мухаммедъ-гали Тяукинъ и управляющій Асановымъ отдѣленіемъ Чумичли-Табынскаго рода Бій Алдашъ Байганинъ.

Отъ сыръ-дарьинскихъ Киргизовъ,

Управляющіе: Алачинскимъ родомъ Бій Амангулова отдѣленія Исеть Тулеповъ и каракуйлыевымъ отдѣленіемъ Дюрткаринскаго рода заурядъ-хорунжій Сердали Бекчуринъ.

Отъ Внутренней Орды,

Совѣтникъ тамошняго временнаго совѣта хорунжій, ходжа Мухаммедъ-салихъ Бабаджановъ и депутатъ на Внутренней уральской линіи тарханъ Губайдулла Исенбаевъ.

При нихъ пять человѣкъ прислуги изъ простыхъ Киргизовъ.

За переводчика, состоящій по армейской кавалеріи и при областномъ правленіи оренбургскихъ Киргизовъ подпоручикъ султанъ Сеидалинъ 1-й.

Изъ всѣхъ депутатовъ, авторъ статейки очертилъ личности только султана Тяукина, ходжи Бабаджанова и тархана Исенбаева; но очеркъ, сдѣланный на выборъ для меня не выгоденъ, и потому я постараюсь набросать контуры каждаго изъ остальныхъ членовъ депутаціи, навѣстившихъ со мною Петербургъ.

Есаулъ Джантюринъ лѣтъ слишкомъ пятьдесятъ; у него особенно располагающая и осанистая наружность, переходящая за предѣлы обыкновенной полноты; ни въ какомъ учебномъ заведеніи нашемъ онъ не былъ и европейскаго образованія не имѣетъ, но долготѣною службой по частному киргизскому управленію приобрѣлъ практическій навыкъ въ дѣлахъ; по русски объясняется свободно, читаетъ и даже пишетъ; по киргизски говоритъ пріятно и убѣдительно. Джантюринъ одинъ изъ всѣхъ киргизскихъ депутатовъ держалъ столъ на русскій ладъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Но султанъ еще дорогою изъ степи въ Оренбургъ заболѣлъ ревматическою простудой, которая въ Петербургѣ возобновилась и поэтому все время и тамъ, и въ Москвѣ не выходилъ изъ комнаты. Султанъ часто бывалъ на Линіи и неодно-

(1) Уменьшительное отъ «Ирмухаммедъ», въ родѣ нашего «Ваня, Ванюшка».

кратно живалъ по мѣсяцу и болѣе въ Оренбургѣ. О болѣзни Джантюрина въ Петербургѣ, я душевно жалѣлъ, потому что это былъ человѣкъ самый общительный изъ всѣхъ нашихъ Киргизовъ.

Беремжану Чигеневу лѣтъ подъ сорокъ; по русски не знаетъ онъ ни слова, по киргизски читаетъ и пишетъ; человѣкъ скромный, но не безъ энергіи. Беремжанъ можетъ-быть названъ по номенклатурѣ г. Небольсина истымъ Киргизомъ, потому что кочуетъ по Тургаямъ; между однородцами пользуется большимъ почетомъ и по личному значенію, какъ весьма не мелкій торговецъ съ Бухарою, и по отцовской памяти, и по вліянію тамъ брата своего есаула Казыбека Чигенева, который управляетъ Джугары-Чиктинцами. Въ Оренбургѣ былъ нынѣ въ первый разъ.

Султанъ Илекей Касымовъ въ 1840-хъ годахъ кочевалъ съ Киргизами Керейскаго и Чумекеевскаго родовъ въ Зауральской степи, но въ 1847 году ушелъ съ приверженцами своими въ Хиву; оттуда переманивалъ къ себѣ нашихъ Киргизовъ; грабилъ и разорялъ сыръ-дарьинскихъ степняковъ, содѣйствуя Хивинцамъ. Въ 1849 году Илекей заподозрѣнъ былъ хивинскимъ ханомъ въ утайкѣ подати съ Чумекеевцевъ, перепискѣ съ бухарскимъ эмиромъ и намѣреніи снова передаться Россіи, почему вызванъ тогда же въ Хиву и заключенъ тамъ подъ строжайшей надзоръ. Года черезъ два уже слишкомъ, султанъ успѣлъ бѣжать изъ Хивы и въ началѣ 1852 года явился съ повинною въ Оренбургъ, гдѣ прощенъ, присягнувъ на русское подданство и получилъ разрѣшеніе кочевать по прежнему въ нашей степи. Въ послѣдствіи, Илекей назначенъ управляющимъ въ Чумекеевцы, произведенъ прямо въ войсковые старшины; въ 1853 году находился при осадѣ Акъ-Мечети, и съ тѣхъ поръ ведетъ себя безукоризненно; ни русской, ни киргизской грамоты не знаетъ и по понятіямъ своимъ чистый степнякъ; въ характерѣ султана много эксцентрическаго, чѣмъ только и можно объяснить себѣ крутые перевороты въ его судьбѣ. Отъ роду ему лѣтъ за сорокъ; со времени первой лвки въ Оренбургъ, въ 1852 году, Илекей здѣсь ни разу не былъ, но въ степныя укрѣпленія наѣзжаетъ нерѣдко.

Чиклинецъ Азбергень былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сподручниковъ Исета Кутебарова во время мятежныхъ его дѣйствій въ 1855 году; потомъ бѣжалъ отъ русскихъ отрядовъ въ Хиву, гдѣ, при усилившихся тогда расприхъ между Хивинцами и отложившимися отъ нихъ Туркменами, держалъ сторону Хивинцевъ. Въ послѣдствіи, оказалъ нѣкоторыя послуги нашей миссіи, ходившей въ 1858 году въ Хиву и Бухару, также отряду, который былъ посланъ въ 1859 году подъ Конградъ: почему, въ томъ же году,

по явкѣ въ Оренбургъ съ повинной, былъ прощенъ. Вмѣстѣ съ собою, Азбергенъ вывелъ изъ Хивы въ Зауральскую степь нѣсколько сотенъ Киргизовъ, разоренныхъ и Туркменами, и Хивинцами; дорогою помогалъ несчастнымъ изъ своихъ собственныхъ небольшихъ средствъ. Азбергеню лѣтъ подъ пятьдесятъ; у него внушающая и открытая наружность; грамотѣ не учился; по русски знаетъ только одно слово: «пошелъ», чему выучился дорогой; по киргизски объясняется просто, но съ большимъ тактомъ, потому что природнаго ума пропасть и вообще онъ ловкій дипломатъ на киргизскую руку. Отправляясь въ Петербургъ, Азбергенъ привезъ сюда своего сына, чтобы помѣстить въ киргизскую школу, гдѣ мальчикъ теперь и учится довольно бойко. До явки съ повинною Бій ни здѣсь, ни даже на Линіи ни разу не былъ.

Алдашъ Байганинъ очень вліятельный Киргизъ въ Чумичли-Табынцахъ; образованія никакого не имѣетъ; грамоты ни русской, ни киргизской не знаетъ; въ понятіяхъ этого бія сохраняются еще слѣды пребыванія въ хивинскихъ предѣлахъ, которые онъ съ родичемъ своимъ Даутомъ Асавовымъ окончательно оставилъ лѣтъ 20 назадъ и водворился въ зауральской степи на всегдашнее жительство. Алдашъ человѣкъ не безъ способностей, добросовѣстенъ по службѣ (что въ степи рѣдкость), скромнѣе, говоритъ мало. На Линіи Алдашъ бывалъ всего раза съ два; ему тоже лѣтъ за-сорокъ.

Сыръ-Дарынскіе біи: Исеть Тулеповъ и Сердали Бекчуринъ оба люди способные, почти однихъ лѣтъ съ Алдашемъ, оба настоящіе Киргизы; первый безграмотенъ, второй пишетъ по киргизски и очень любопытенъ; рисовалъ по своему все, что ни видѣлъ: проѣдетъ по желѣзной дорогѣ — дорогу срисуетъ, и локомотивъ изобразитъ и за нимъ рядъ вагоновъ; побывалъ въ эрмитажѣ — принялся, кажется, копировать на память «последній день Помпеи». Скоро, однако, бросилъ карандашъ, потому что нѣкоторые товарищи и даже самые просвѣщенные стали не кстати подшучивать надъ Сердали, а другіе увѣрять, что Коранъ запрещаетъ это грѣховное искусство. Убѣжденія мои, что пустыхъ рѣчей слушать не стоитъ, не могли уже подѣйствовать на бія. Онъ постоянно жалѣлъ только объ одномъ, что не говоритъ по русски. Въ Москвѣ, на обратномъ пути, ему подарили русскую азбуку, и я увѣренъ, что Сердали выучится по ней читать, хотя и не знаетъ Золотовской методы. Въ Оренбургѣ оба бія были нынѣ впервые.

Изъ такого очерка семи остальныхъ депутатовъ, — очерка, нисколько не подкрашеннаго и, смѣю думать, совершенно безоиднаго для нихъ самихъ, потому что относительныя достоинства

каждаго нигдѣ не затушованы мною намѣренно-невыгодною тѣнью, читатель можетъ судить, на сколько добросовѣстенъ авторъ, позволяя себѣ говорить, что это былъ *весьма счастливый подборъ лицъ, готовыхъ на откликъ всему благородному, высокому, честному, прямудушному и т. д.* Мы нисколько не убавимъ у депутатовъ чести, ежели скажемъ, что это былъ большею частію счастливый подборъ людей простыхъ, но хорошихъ, полезныхъ и нужныхъ въ своей средѣ, хотя не безъ свойственныхъ всѣмъ степнякамъ недостатковъ, не болѣе.

Султана Тяукина и ходжу Бабаджанова многіе не узнаютъ здѣсь въ очеркѣ г. Небольсина. Они, какъ люди вообще достойные полнаго вниманія, ни сколько не нуждаются въ утрировкѣ и потому заслуживали бы болѣе совѣстливаго эскиза безъ *лишнихъ прикрасъ*. Ни тотъ, ни другой, конечно, не останутся въ проигрышѣ, ежели не станемъ проводить паралели между ними и штабсъ-капитаномъ султаномъ Вали-хановымъ, съ которымъ я лично познакомился въ Петербургѣ и провелъ нѣсколько самыхъ пріятныхъ вечеровъ, — подѣлюсь мнѣю его способностей и знаній не только не придется сказать, но пожалуй, и мы съ г. Небольсинымъ. Чаканъ Чингизовичъ покуда единственный феноменъ между Киргизами, и въ нашихъ оренбургскихъ степяхъ, можетъ-быть, долго еще ждать такого явленія. Султанъ Мухаммедъ-гали мой школьный товарищъ (1), и эта старая связь обязываетъ меня защитить его только отъ напраслины, которую выводитъ на него не разборчивый на средства авторъ въ слѣдующей фразѣ: «сердечная струна всѣхъ его (Тяукина) помышлений, сколько я могъ вывести изъ непрямыхъ и неположительно высказанныхъ мыслей его и разсужденій, вызвать въ степь экспедицію ученыхъ людей, которые, ознакомившись съ киргизскимъ земледѣліемъ, скотоводствомъ и промыслами, сумѣли бы наглядно передать Киргизамъ новѣйшіе успѣхи науки и практики и показали бы имъ возможность положительно и быстрее идти къ развитію и матеріальному, и моральному.» Объясненіе подобнаго рода происходило разъ при мнѣ, у меня въ квартирѣ, и вотъ, какъ рѣчь зашла объ экономическомъ обществѣ, то г. Небольсинъ спросилъ у султана, не хочетъ ли онъ быть дѣйствительнымъ членомъ общества, вызываясь, въ случаѣ его согласія, доставить на это тотчасъ

(1) Мы вмѣстѣ учились въ бывшемъ Оренбургскомъ Неплюевскомъ военномъ училищѣ (нынѣ кадетскій корпусъ), откуда онъ вышелъ, къ сожалѣнію, не кончивъ курса по домашнимъ обстоятельствамъ, если не ошибаюсь, въ 1831 году. Съ тѣхъ поръ султанъ живетъ и служитъ въ степи непрерывно, съ весьма короткими заѣздами на Линію и въ Оренбургъ, отчего, утративъ даже русское произношеніе, совѣстится съ посторонними говорить на нашемъ языкѣ безъ помощи переводчика.

дипломъ. Подполковникъ Тяукинъ естественно пожелалъ напередъ узнать, въ чемъ заключаются эти обязанности, и послѣ нѣсколькихъ словъ разъясненія, съ чрезвычайнымъ тактомъ отвѣчалъ г. Небольсину: «мы народъ простой, написать о хозяйствѣ ничего я не сумѣю? потому что плохо знаю и русскій языкъ; какой же буду я членъ, съ этимъ ладить не намъ, тутъ нужны люди ученые, а мы, *если начальство пошлетъ ихъ въ степь*, всегда готовы оказать содѣйствіе.» Ревнитель общества немного смѣшался, и предложилъ уже султану званіе члена-корреспондента,—и тутъ однако перехитрилъ, не передавъ будущему члену толкомъ: отчего, напримѣръ, человѣкъ такого званія можетъ послать въ общество по почтѣ бесплатно образчикъ шерсти, кошмы и т. п. не болѣе пуда вѣсомъ, а за посылку свыше пуда долженъ приплачивать собственными деньгами. Изъ такихъ объясненій не всякій, кажется, ухитрился бы сосчитать ту *сердечную струнку*, на которой г. Небольсинъ заставляетъ наигрывать моего старого товарища. Не таится ли, лучше, за этою стрункой задней мыслишки, что, вотъ-де, скажутъ, время бы подумать объ ученой экспедиціи въ степь, а ежели она состоится, насъ, *ученыхъ людей*, не миновать.

Тарханъ Исенбаевъ дѣйствительно очень состоятельный, добрый, кроткій, молчаливый, и конечно, весьма полезный на службѣ человѣкъ; но, получивъ воспитаніе у казанскихъ муллъ, съ которыми провелъ много лѣтъ лучшаго своего возраста, почти утратилъ національный типъ, такъ что зауральскіе наши депутаты постоянно звали Исенбаева промежъ-себя «ногаемъ» (татаринѣмъ). Я не видалъ школы, заведенной имъ во внутренней ордѣ, однако, хорошо ознакомившись въ Петербургѣ съ личностью учредителя, навѣрное не ошибусь, ежели предположу, что главная статья въ этой школѣ все-таки Коранъ, съ прочими тонкостями магометанской схоластики, а не разумная грамота. Думаю, или, правильнѣе, убѣжденъ также, что самъ тарханъ не станетъ настаивать у Киргиза на отдачѣ сына не только къ русскому священнику, да и просто въ русское селеніе на выучку. Въ Уральскомъ войскѣ, какъ мнѣ извѣстно, открыто въ послѣдніе года много школъ, и мужскихъ и женскихъ; впрочемъ, оно всегда могло обойтись въ этомъ случаѣ безъ посторонней помощи. Пожертвованіе Исенбаева на уральскія школы дѣлаетъ ему, разумѣется, большую честь, но я зналъ когда-то одного торговаго татарина, который далъ значительную сумму даже на поправку русской церкви, потому что другія средства получить медаль ему не удавались.

Между тѣмъ, г. Небольсинъ оставилъ безъ вниманія самую цѣльную, самую симпатичную и самую развитую личность въ нашей петербургско-киргизской семьѣ—переводчика при ней подпору-

чика султана Сендалина, а онъ природный Киргизъ, но Киргизъ, который уже постоянно ходитъ въ нашей кавалерійской формѣ, разсуждаетъ о той или другой статьѣ, вычитанной въ лучшихъ нашихъ журналахъ, или въ книгѣ серіозной; садится всегда за хорошій русскій столъ, не разбирая какого рѣзанія подается тутъ мясо, магометанскаго или нѣтъ; держитъ себя при всѣхъ случаяхъ какъ подобаетъ благовоспитанному молодому человѣку и не явится, по-киргизски, въ одной грязной рубахѣ передъ компаніей степенныхъ людей.

Здѣсь, къ слову скажемъ, какъ попалъ къ намъ авторъ статьи *Путешествующіе Киргизы*. Къ нему имѣлъ письмо хаджа Бабаджановъ, у котораго потомъ и бывалъ г. Небольсинъ нѣсколько разъ; заходилъ также безъ церемоній и ко мнѣ, и къ султанамъ: Тяукину и Джантюрину, по старой оренбургской памяти. Изъ деликатности я сѣзидилъ однажды къ г. Небольсину и оставилъ ему свою карточку.

У меня, какъ у пристава, была инструкція, въ которой опредѣлительно указывалось на что слѣдовало обратить преимущественное вниманіе Киргизовъ въ обѣихъ столицахъ; но она предоставляла мнѣ знакомить депутацію и со всякимъ тамъ учрежденіемъ, *ежели достанетъ времени*. Въ Петербургѣ прожили мы двадцать пять, въ Москвѣ, на обратномъ пути, девять сутокъ. По офіціальному характеру депутаціи, ее требовалось представить въ Петербургѣ начальствамъ трехъ различныхъ вѣдомствъ, и представить непременно, потому что нѣкоторые Киргизы имѣли необходимость высказать при этомъ народныя нужды, и воротились бы домой огорченными, еслибы не выполнили желанія своихъ родичей. Представленія не могли не занять у насъ времени европейской дѣятельности Киргизъ не понимаетъ и ни для кого, и ни для чего на свѣтѣ не измѣнить ни своихъ привычекъ, ни степной походки; таскать депутатовъ по Петербургу и его окрестностямъ съ утра до ночи и съ ночи до утра всякій Божій день—значило бы заставить ихъ тамъ переболѣть, *всего* примѣчательнаго, любопытнаго и полезнаго не пересмотришь въ Петербургѣ въ какихъ-нибудь 15 сутокъ (вычитая дни представлений и отдыховъ изъ 25, нами прожитыхъ),—дѣло не естественное. Этого мнѣ нельзя было не знать и потому слѣдовало ограничить знакомство Киргизовъ съ тѣмъ только, что прямо вело къ главной цѣли, для которой они посылались туда, или чего не встрѣтили бы мы на обратномъ пути въ Москвѣ—такъ и сдѣлано. Надѣюсь, что это было логично, а изъ перечисленія въ статьѣ г. Небольсина, видѣннаго нами въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, ясно кажется, что мы не сидѣли тамъ сложа руки.

Приставъ при Киргизахъ былъ совершенно необходимъ, потому

что шесть изъ десяти депутатовъ не знали ни слова порусски и до нынѣшняго отправленія въ столицы даже здѣшнюю линію или во все не навѣщали, или показывались на ней разъ, много два во всю свою жизнь. Въ своей степи, это были слѣдовательно, взрослые дѣти не болѣе. Чтобы они стали дѣлать въ Петербургѣ и чего бы тамъ не натерѣлись, еслибы начальство имѣло не благоразуміе пустить ихъ туда безъ надежнаго провожатаго? ихъ обобрали бы и обманули на каждомъ шагу. Поэтому-то собственно инструкція обязывала меня пешихъ о депутатахъ именно какъ о взрослыхъ дѣтяхъ: наблюдать, чтобы съ нихъ не брали лишняго въ гостинницахъ и по дорогѣ, и чтобы сами они не оставляли за собой долговъ, по незнанію нашихъ обычаевъ; при желаніи купить что-нибудь, указывать гдѣ можно найти лучшее и дешевле. Пользу подобнаго попеченія испытали на себѣ не разъ и болѣе развитые изъ бывшихъ со мною депутатовъ: гг. Бабаджановъ и Исенбаевъ собрались какъ-то въ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ въ Петербургѣ магазиновъ и я напросился съ ними; прѣзжаемъ, смотримъ то, другое. Исенбаеву очень понравилась штука шелковой матеріи, онъ спросилъ о цѣнѣ, ему отвѣчали, что назадъ тому годъ матерія продавалась по 3 р. за аршинъ, теперь прошла на нее мода и потому: можно отдать по 2 р. 50 к., начали торговаться и прикащикъ, спустил наконецъ, цѣну на 2 руб., добавивъ, что такой добротной шелковой матеріи нельзя купить дешевле. Исенбаевъ видимо подавался на покупку; я посмотрѣлъ матерію поближе и сказалъ прикащику, что она съ бумагой; онъ тотчасъ съ этимъ согласился, покушникъ сталъ торговаться хладнокровнѣе, давалъ сначала 1 руб. 30 коп., потомъ 1 руб. 50 коп., наконецъ рубль шесть гривенъ серебромъ; прикащикъ тоже спускалъ цѣну и въ заключеніе объявилъ рѣшительно, что менѣе 1 р. 75 коп. взять нельзя. Мы перешли черезъ двѣ комнаты въ третью къ выходу изъ магазина и стали покупать, кое-какія бездѣлицы. Прикащикъ, продававшій матерію пришелъ туда же съ двумя другими, очевидно постарше, и поговоривъ съ ними по-англійски, предложилъ Исенбаеву уступить матерію за назначенную имъ цѣну, тарханъ отказался; прикащики-джентльмены начали говорить: «какъ же это, сами вы давали за матерію по 1 руб. 60 коп., а теперь не берете ее совсѣмъ, развѣ можно?» Очень можно, отвѣчалъ имъ за Исенбаева хаджа: въ той комнатѣ, гдѣ давали вамъ такіа деньги вы не хотѣли отдать матеріи; здѣсь мы не хотимъ брать и даромъ. Сколько бы пришлось бѣдному тархану отдать изъ своего кармана, здорово живешь, еслибы полушелковая матерія пошла, безъ меня, за чисто-шелковую?

Губернерскій надзоръ за Киргизами былъ на этотъ разъ болѣе

чѣмъ снисходительный. Выѣзжая изъ Оренбурга, я между прочимъ, тогда же объявилъ Киргизамъ, что они очень меня обяжутъ, если станутъ смотрѣть на меня не какъ на своего офиціальнаго пристава, а какъ на товарища одной общей семьи и высказывать мнѣ откровенно всякія нужды и желанія, чтобы можно было удовлетворить имъ по мѣрѣ данныхъ мнѣ средствъ и возможности. Такъ оно и велось во время двухмѣсячнаго нашего путешествія и по возвращеніи въ Оренбургъ, депутаты заявили передъ здѣшнимъ пограничнымъ начальствомъ, что не имѣли ни дорогою, ни въ столицахъ ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, и о нынѣшней поѣздкѣ сохранять воспоминанія какъ о самыхъ счастливыхъ дняхъ своей жизни. Въ свободное время отъ осмотра столичныхъ достопримѣчательностей и когда не предстояло офиціальныхъ визитовъ, Киргизы отправлялись и въ Петербургъ, и въ Москвѣ куда хотѣли и какъ хотѣли; имъ не отказывалось ни въ этихъ поѣздкахъ, ни въ экипажахъ, хотя въ иную пору желанія депутатовъ были даже не много прихотливы. Тѣ, которые не знали нашего языка, ѣздили, разумѣется, или со мной или съ переводчикомъ; говорившіе по-русски почти всегда отправлялись одни, потому что я довѣрялъ ихъ благоразумію и солиднымъ наклонностямъ. Запретовъ никакихъ у насъ не полагалось. Ежели Киргизъ выѣзжалъ со двора къ вечеру и я просилъ его поберегаться, предупреждая, что въ Питерѣ живутъ не все хорошіе люди, надѣюсь, что подобныхъ губернскихъ наставленій никто осуждать не будетъ. При всѣхъ подобныхъ выѣздахъ Киргизы одѣвались по собственному вкусу и желанію; надобно только знать, что изъ нихъ восемь десятыхъ не показывались иначе на улицу, какъ въ національномъ костюмѣ; переодеванье, на примѣръ, на какой-нибудь татарско-жидовскій или киргизско-армянскій ладъ сочли бы они еще, по своимъ понятіямъ, за посрамленіе и для себя и для товарищей; объ офиціальныхъ визитахъ говорить нечего; на нихъ Киргизъ иначе не поѣдетъ, какъ разодѣтый во все, что есть у него лучшаго. Въ петербургскіе и московскіе магазины Киргизы ѣздили прямо по своей охотѣ и никогда поневолѣ; мѣшать этому не приходилось мнѣ по тремъ причинамъ: во первыхъ, кто что ни говори, а въ магазинахъ многому можно научиться, ежели только не смотрѣть на лучшія произведенія искусства и промышленности съ узкой точки зрѣнія челоуѣка, который кромѣ соблазна потратить въ магазинахъ деньги ничего другаго тамъ не видитъ; во вторыхъ, Киргизы, возвратясь домой, въ аулы, должны по обычаю, непременно привезти по подарку каждому изъ своихъ семейныхъ, близкихъ родныхъ и даже почетныхъ друзей; слѣдовательно, неизбѣжно приходилось познакомиться и съ магазинами, и съ го-

стинными дворами, и съ толкучкой, гдѣ, по своимъ средствамъ депутаты и ихъ прислуга оставили-таки не мало денегъ; въ третьихъ, посѣщенія магазиновъ и базаровъ составляли для Киргизовъ лучшее, повидимому, развлеченіе: они проводили тамъ иногда по нѣсколькимъ часамъ сряду. Больной у насъ былъ постоянно одинъ султанъ Джантюринъ; притворно больныхъ замѣчать мнѣ не доводилось, да и къ чему было Киргизамъ прикидываться хворыми и особенно огорчаться, когда всякому изъ нихъ предоставлялось на волю ѣхать и не ѣхать для осмотра той или другой диковинки, что прямо разрѣшено мнѣ было начальствомъ. На каждый осмотръ отправлялись, впрочемъ, Киргизы или всѣ или большинствомъ, потому что султанъ Таукинъ никогда не оставался дома, а другіе не могли уже, по киргизскимъ обычаямъ, не сопутствовать старшему—противное было бы болѣе чѣмъ не деликатно. Киргизы могли ѣздить и въ каретахъ и въ коляскахъ, и въ пролеткахъ; мною нанимались экипажи двухъ первыхъ разрядовъ, потому что они гораздо спокойнѣе. Одинъ изъ петербургскихъ муллъ очень часто навѣщалъ гг. Бабджанова и Исенбаева и посѣщенія имама не только не казались мнѣ бѣдою, напротивъ доставляли самому большое удовольствіе, потому что онъ весьма пріятный и умный собесѣдникъ, отлично владѣетъ русскимъ языкомъ и совершенно чуждъ того невѣжественнаго фанатизма, который невольно отталкиваетъ въ здѣшнемъ краѣ отъ большинства магометанскихъ пустосвятовъ. Еслибы кто-нибудь изъ депутатовъ вздумалъ заняться въ Петербургѣ и проповѣдью (или отъ нечего дѣлать или даже изъ одного подражанія г. Союру), бѣды тутъ еще было бы меньше, проповѣди эти не представили бы ни малѣйшей опасности.

Здѣсь не общія мѣста, не пустыя фразы, чтобы только отпиться, у меня найдутся люди и для подтвержденія справедливости сказаннаго; а какъ послѣ того назвать человека, который позволяетъ себѣ темными и двусмысленными намеками выставить все это въ подозрительномъ свѣтѣ передъ публикой?

Г. Небольсинъ сознаетъ, что весьма многое изъ видѣннаго нами въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, включая сюда передній нашъ путь, могло служить достаточнымъ проводникомъ идей о величии, могуществѣ и богатствѣ Россіи. Да для этого собственно Киргизы туда и посылались. Прочее показано имъ, такъ-сказать, въ придачу; но мою придачу г. Небольсинъ находитъ бесполезною, потолкуемъ же не много о той, которую онъ самъ предлагаетъ.

Я сказалъ прежде, что нынѣшняя депутація была тамъ не первая; отправлявшимся въ 40-хъ годахъ Киргизамъ показывали въ Петербургѣ и alexandrovskую мануфактуру, и образцовыя

фермы, и земледѣльческую школу, и Лѣсной институтъ, но Киргизы узнали столько же, сколько знали и до осмотра, и степное ихъ хозяйство до сихъ поръ идетъ по старой колѣѣ. Въ составѣ прошлагодней депутаціи находились люди не глупѣе тѣхъ, которые ѣздили со мною, въ томъ числѣ два воспитанника Неплюевского корпуса (1): они не видѣли отчасти [того, что показывалось въ 1860 году, за то посѣтили разныя мануфактурныя, хозяйственныя и промышленныя заведенія; посмотрѣли на усовершенствованныя земледѣльческія орудія, на телеграфъ, на фабрикацію газа,—въ результатѣ вышло то же, что и 10 лѣтъ назадъ, если не хуже, то-есть понять Киргизы ничего не поняли, а кромѣ того образованнѣйшіе изъ нихъ просили у пристава, какъ милости, избавить ихъ поскорѣе и отъ образцовой фермы, и отъ земледѣльческихъ машинъ, и особенно отъ газового завода. Не хочетъ ли авторъ пообстоятельнѣе узнать о томъ отъ совѣтника областнаго правленія оренбургскихъ Киргизовъ г. Костромитинова, провожавшаго въ Петербургъ и прошлагоднихъ Киргизовъ и тѣхъ, что ѣздили туда въ сороковыхъ годахъ. На этомъ основаніи, въ моей инструкціи не заключалось уже ни прямого, ни косвеннаго намека на то, чтобы я обратилъ особенное вниманіе депутаціи на тѣ предметы, пропускъ которыхъ въ нашемъ обзорѣ вызываетъ такое сильное негодованіе со стороны г. Небольсина. Изъ нынѣшнихъ Киргизовъ двое также видѣли усовершенствованныя земледѣльческія орудія, полюбостествовали даже узнать цѣну за покосную машину; но,—конецъ концовъ,—все-таки порѣшили на томъ, что денегъ придется отдать за нее много, а деньги остались въ магазинахъ, да и перевозить машину теперь неудобно. Я же добавлю отъ себя, что кромѣ денегъ, для дѣйствія подобной машиной нужно напередъ умѣть отличить покосъ отъ пашни, и если не самому знать хорошо земледѣліе; то по крайней мѣрѣ имѣть людей, которые могли

(1) Въ *Разказахъ происхожденія*, въ статьѣ о Киргизахъ, авторъ, описывая генеалогію бывшаго султана правителя восточной части, Ахмеда Джантюрина, говоритъ, между прочимъ: «отецъ его Джантюра былъ женатъ на двухъ (?) женахъ: отъ другой изъ нихъ, родной сестры бывшаго хана Внутренней орды Джангера, родился Ахмедъ и еще два другіе сына, одинъ давно умершій въ степи, другой Махмудъ, превосходный юноша, воспитывавшійся въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ и умершій при мнѣ, за годъ до смерти старшаго своего брата, султана Ахмеда». Такъ и представляешь себѣ автора, идущаго за гробомъ юноши и проливающего горячія слезы о преждевременной его кончинѣ, а между тѣмъ султанъ Махмудъ благополучно кончилъ ученіе въ корпусѣ, былъ съ прошлагодней депутаціей въ Петербургѣ, произведенъ тамъ въ есаулы, служить до сихъ поръ по частному управленію въ области оренбургскихъ Киргизовъ и надѣется еще пережить г. Небольсина.

бы обходиться съ усовершенствованнымъ орудіемъ какъ слѣдуетъ, и починить его въ случаѣ нужды,—чего между Киргизами не найдется. Образованнѣйшіе изъ бывшихъ со мною, совсѣмъ не полюбобытствовали, напримѣръ, заглянуть въ кунсткамеру, куда возилъ я остальныхъ, разумѣется, не съ цѣлью показать имъ одни сохраняющіеся тамъ монстры, хотя о значеніи послѣднихъ имѣю, можетъ-быть, различныя понятія съ авторомъ, но преимущественно ознакомить степняковъ съ лучшими въ Россіи зоологическимъ и этнографическимъ музеями; между тѣмъ, музеи заняли полудикарей больше всего видѣннаго въ Петербургѣ. Съ такимъ же потомъ удовольствіемъ осматривали они зоологическій и прочіе кабинеты въ Московскомъ университетѣ. Гг. Бабджановъ и Исенбаевъ еще въ Петербургѣ торопились ѣхать домой, чтобы поспѣть къ осенней во Внутренней ордѣ ярмаркѣ, и по пріѣздѣ въ Москву, черезъ два дни вернулись домой, не смотря на всѣ мои убѣжденія остаться тутъ на нѣсколько дней, чтобы доглядѣть то, чего не удалось намъ видѣть въ Петербургѣ. При осмотрѣ въ Москвѣ же суконной фабрики, одинъ изъ депутатовъ довольно холодно проходилъ мимо всего, и на вопросъ мой о причинѣ этого отозвался, что видѣлъ уже такую фабрику разъ въ сороковыхъ годахъ (1)! Въ театрахъ Киргизы были шесть разъ, но занялъ ихъ особенно, какъ и слѣдовало ждать, только балетъ, случившійся при насъ въ Москвѣ единжды. Вовращеніе изъ Царскаго Села какъ разъ пришлось къ тому времени, когда шелъ поѣздъ въ Павловскъ,—ѣхать туда на прогулку изъявилъ желаніе одинъ, прочіе рѣшили воротиться прямо въ Петербургъ. Киргизы много катались и по Петербургу и по Москвѣ, однако ни одинъ по собственной охотѣ не заглянулъ хотя бы на телеграфическую станцію, — а кто бы этому помѣшалъ: въ магазинахъ проводили же по цѣлымъ часамъ.

Гдѣ же причина равнодушію Киргизовъ и къ удовольствіямъ, и ко всѣмъ животрепещущимъ современнымъ вопросамъ? Просто въ той же пылкости Киргиза, скоро остывающей, азіатской лѣни, малограмотности или европейской полуграмотности вмѣстѣ: сначала онъ бросается на все, черезъ день на все смотреть уже холоднѣе, черезъ два отпѣкивается отъ поѣздокъ, потомъ, скучая по степи, засыпаетъ безпробуднымъ сномъ, съ рѣдкими исключеніями, чтобы заглянуть въ магазинъ или гостинный дворъ за покупками для двухъ или четырехъ своихъ «барынь».

Не коренится ли причина апатіи Киргизовъ къ вопросамъ сельскаго хозяйства въ равнодушіи ихъ начальства, начнетъ до-

пытываться авторъ? — А, позвольте васъ спросить: не теперь ли читаемъ мы такъ много статей, въ которыхъ доказывается иной разъ, какъ дважды два четыре, что всякое разумное хозяйство можетъ дѣлать успѣхи тогда только, когда оно идетъ самостоятельно и свободно, безъ гнета на него понудительныхъ мѣръ, безъ правительственной опеки, безъ начальственныхъ указокъ? Много ли насчитаете вы мнѣ образцовыхъ хозяйствъ даже у болѣе развитыхъ землевладѣльцевъ нашихъ? Сколько найдете вы помѣщиковъ, у которыхъ есть хотя бы давно извѣстная молотило-мѣлка Бутенопа? Велико ли бываетъ число посѣтителей на выставкѣ въ михайловскомъ манежѣ,—разумѣется, такихъ, которые не приходятъ только поглазѣть на все изъ пустаго и празднаго любопытства,—а такихъ, которые понимаютъ пользу усовершенствованнаго земледѣлія какъ должно? Не вездѣ ли только жалуются у насъ на истребленіе лѣсовъ? Давно ли заговорили у насъ путнымъ образомъ о необходимости разобрать и переделывать за-ново машину, которую на образованномъ языкѣ называютъ рутиной? Давно ли начали писать толково о рациональномъ хозяйствѣ? Между-тѣмъ, обширное русское царство не Киргизская степь и въ немъ копали землю еще до пришествія Варяговъ. Уже нѣтъ ли у автора мысли, что земледѣльческая и промышленная цивилизація должна проникнуть въ Россію изъ степи, какъ свѣжаго, такъ-сказать не початаго элемента жизненныхъ силъ, а не обратно? Но, перечитайте-ка еще разъ то, что писалъ авторъ о Киргизахъ не далѣе восьми лѣтъ назадъ и посудите: въ такомъ ли положеніи киргизскій народъ, чтобы могъ имѣть подобныя идеи? загляните-ка на карту Оренбургскаго края и рѣшите: на сколько возможно развитіе хлѣбопашества, не говорю во внутренней ордѣ, занимающей почти исключительно однѣ безводныя степи, песчаные барханы, да солонцоватыя липши и грязи, но и въ зауральской степи — по ту сторону Эмбы вплоть до Усть-Урта, на немъ самомъ, въ Каракумѣ, Большихъ и Малыхъ Барсукахъ и Тайсуганѣ? Не навязывайте же покуда Киргизу того, что и у насъ начинается только пускать ростки; не запугивайте его сразу многими нововведеніями, съ которыми дойдете, пожалуй, скорѣе до отрицательныхъ результатовъ; но предоставьте степняку свободно и самостоятельно рыть землю «кетпенемъ», сохой и сабаномъ, — будьте увѣрены, что онъ не хуже насъ пойметъ необходимость замѣнить ихъ болѣе усовершенствованнымъ орудіемъ, когда придетъ для того время, а когда оно придетъ, власти не останутся равнодушнымъ зрителемъ проявляющагося стремленія и подсобятъ ему зависящими разумными мѣрами. На нашей памяти Киргизы стали косить сѣно (съ 1830-хъ годовъ), и дѣло дошло теперь до того, что изъ-за клочка покос-

(1) Онъ ѣздилъ въ столицы съ первою депутаціей.

наго мѣста случаются у нихъ иногда чуть не кровавыя побоища, а все же на усовершенствованную сѣнокоску не найдется тамъ добровольныхъ охотниковъ.

Результатъ киргизскихъ отзывовъ, приведенный г. Небольсинъ въ заключеніи своей статьи, очевидно принадлежитъ изобрѣтательности автора, потому что тутъ есть и немного перефразированное повтореніе того, что высказалъ онъ вслѣдъ за очеркомъ личности тархана Исенбаева, — именно: тамъ, между прочимъ, написано, что Киргизы «напрашивались на все, что громко могло бы говорить имъ о величіи ума человѣческаго и о торжествѣ науки надъ матеріальною природой», а въ результатѣ отзывовъ сказано подъ конецъ: «Какъ было бы намъ пріятно понять эти превращенія, самимъ видѣть торжество ума, торжество науки, торжество Европейца надъ природой. «Надобно однако, отдать справедливость автору, онъ довольно-сносно поддѣляется подъ киргизскую логику. Посудите, напримѣръ, сами: ежели вамъ кто-нибудь задаетъ вопросы: что такое паръ? что такое газъ? что такое электричество, гальанизмъ и т. д., да просить все хорошенько и внятно растолковать, наивно сознаваясь, что онъ полудикарь; ежели тотъ же господинъ хочетъ вмѣстѣ съ этимъ, наглядно уразумѣть на бѣгломъ, такъ-сказать калейдоскопическомъ осмотрѣ, разницу между столичными институтами, и степными «медресе»; и сущность Золотовской методики и превосходство европейскихъ изобрѣтеній и улучшеній передъ тѣмъ, къ чему приглядѣлся у себя дома; и возможность лѣсоразведенія, и причину отъ чего молотъ, расплющивающій самые крѣпкіе металлы, не разобьетъ стекла, если паденіе рассчитать по какимъ-то черточкамъ, и превращеніе хлопка въ ситецъ и кисею, льна въ холстъ и полотно, тряпокъ отъ этихъ матерій въ писчую бумагу, а бумагу въ газету, — развѣ можетъ кто-нибудь пожелать всего этого кромѣ Киргиза, рѣшительно не понимающаго, что ни одинъ профессоръ не возьмется пройти въ цѣлый годъ даже не съ такимъ гиппопотамомъ курса по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній?

Полноте шутить, авторъ милой статейки; дѣло идетъ здѣсь о вещахъ, которыя требуютъ болѣе глубокаго взгляда. Вы сами говорите, что очень многое изъ видѣннаго нами въ Петербургѣ могло служить для Киргизовъ проводникомъ идей о величіи, могуществѣ и богатствѣ Россіи, а что именно такого рода впечатлѣнія усвоили себѣ наши степняки, приведу, на выдержку, два факта: 1) султанъ Илекей, еще не доѣзжая до Москвы, велъ къ бію Азбергеню слѣдующую рѣчь, въ которой нельзя заподозрить желанія подслужиться начальству ловкою фразой, потому что ни меня, ни султановъ-правителей тутъ не было, да это и

не въ характерѣ эксцентрика: «какіе, посмотришь, были мы съ тобой безумцы, мечтая когда-то потягаться съ Русскими; вотъ только и дѣлаемъ, что ѣдемъ чуть не двѣ недѣли день и ночь, а конца русскому царству не видимъ»; 2) въ Петербургѣ біи Сердали говорилъ намъ часто, особенно послѣ смотра въ Красномъ-Селѣ: «Оренбургъ—наша Киргизская степь, всѣ его жители — наши Дюрткаринцы, не болѣе; вотъ здѣсь живутъ настоящіе люди.» Значитъ, есть польза отъ нынѣшняго путешествія степняковъ.

Изъ Москвы въ Петербургъ и обратно, изъ Петербурга въ Царское-Село и назадъ проѣхали Киргизы по желѣзной дорогѣ; въ Кронштадтѣ отправлялись на пароходѣ; тамъ осмотрѣли, между прочимъ, съ большою подробностью и арсеналъ, и дѣйствующій парами же заводъ для отливки и отдѣлки всевозможныхъ частей паровыхъ машинъ, а на заводѣ молотъ, который можетъ расплющить въ листъ самые крѣпкіе металлы и не разбить стекла на карманныхъ часахъ, ежели разчитать паденіе молота извѣстнымъ образомъ (1). Въ Пулковской обсерваторіи видѣли Киргизы, какъ одинъ человѣкъ безъ усилія поворачиваетъ, по желанію астронома-наблюдателя, весь верхній павильонъ въ двѣ добрыя киргизскія кибитки діаметромъ; сами испытали какъ отъ одного едва замѣтнаго движенія руки металлическій прутъ не толще полмизинца двигается, по произволу наблюдателя, и взадъ, и впередъ астрономическій снарядъ съ гигантскими трубами, около 200 пудовъ вѣсомъ. На монетномъ дворѣ Киргизамъ растолковано было возможно-внятно и наглядно: и какъ дѣлаютъ деньги, и кто ихъ дѣлаетъ, и сколько дѣлаетъ; нѣкоторые изъ депутатовъ именно предлагали сами подобные вопросы. Бывшіе при этомъ горные офицеры приняли на себя трудъ познакомить Киргизовъ и со всѣми тамъ машинами. Можетъ-быть г. Небольсинъ полагаетъ, что все это недовольно еще громко говорить о величіи ума человѣческаго и о торжествѣ науки надъ матеріальною природой? Что касается до колдовства, то тѣ, что ѣздили со мною, мало въ него вѣрятъ, біи Азбергенъ, прокатившись разъ по Аральскому морю на «утъ-кама» (огненной лодкѣ), никакого лукавства въ ней не подозрѣвалъ, а что за бѣда, ежели Киргизамъ не удалось вывезти въ степь профессорскихъ знаній о паровомъ, или механическомъ двигателяхъ? Депутация можетъ утѣшиться тѣмъ, что безграмотнымъ или полуобразованнымъ людямъ нельзя добыть такихъ знаній въ мѣсяцъ. Да и самъ авторъ статейки, вѣроятно, не специалистъ по

(1) Но авторъ думаетъ, пожалуй, что въ Колпинѣ молотъ лучше.

этимъ частямъ. Не бѣда, ежели Киргизы вышли изъ музея Горнаго корпуса такими же невѣждами, какими туда вступили: они будутъ не первыми и не послѣдними; по-крайней мѣрѣ, увидавъ снимки съ самыхъ большихъ самородковъ золота и извѣстѣйшихъ алмазовъ, степняки не станутъ вѣрить рассказамъ своей собратьи, что есть на землѣ цѣльныя алмазныя и золотыя горы, также какъ, осмотрѣвъ зоологическіе музеи, будутъ знать, что на свѣтѣ нѣтъ теперь такихъ звѣрей, о какихъ писалъ адаевскій мулла Батырханъ Шагимардановъ въ офиціальномъ рапортѣ председателю пограничной комиссіи въ 1858 году: « лисицы (въ Куни-Ургенджѣ) бываютъ черныя и синія, а красныхъ нѣтъ; пять штукъ тамошнихъ лисьихъ шкуръ достаточно на шубу.... находится тамъ звѣрь, называемый беркорть, вышиною съ трехгодовалого верблюда; имѣетъ на головѣ рогъ въ три аршина, и рогъ этотъ цѣнится очень дорого — въ сорокъ тилле (1) ». Не бѣда, ежели Плекей составилъ себѣ сначала несомнѣнное ясное понятіе о ботаническомъ садѣ, осмотрѣннымъ нами экспромптомъ, потому что послѣ анекдота о дынь, султану хорошо растолковано было научное значеніе сада, и степнякъ понялъ, почему нашъ ботаническій садъ важнѣе хивинскихъ фруктовыхъ садовъ. Нѣтъ также бѣды и отъ осмотра Эрмитажа: Киргизы любовались тамъ не однѣми картинами и обнаженными женщинами, хотя не безъ удовольствія смотрѣли и на нихъ. Изъ этихъ осмотровъ Киргизы вынесли хоть какое-нибудь знаніе, потому что тутъ кромѣ глазъ не многое нужно, а что бы приобрѣли для себя степняки на бѣгломъ обзорѣ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ машинъ или образцоваго сельскаго хозяйства, когда ни одинъ изъ депутатовъ лично не пахалъ земли и простой сохи отъ сабана отличить не сумѣетъ?

Киргизы видѣли въ Москвѣ Воспитательный Домъ до мельчайшихъ подробностей; осмотрѣли и отдѣльную больницу, принадлежащую къ Дому, повивальный институтъ и родовспомогательное отдѣленіе; цѣлые трое сутокъ толковали потомъ, съ безыскусственнымъ восторгомъ, объ этихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и подъ конецъ выразили такое убѣжденіе: « до сихъ поръ думали мы, что Россія только богата умомъ и деньгами, и сильна царемъ и народомъ; теперь своими глазами видѣли, что въ ней есть нѣчто выше силы и богатства—она человѣколюбива и къ послѣднему изъ своихъ дѣтей ».

Образчики военно-учебныхъ заведеній, уѣздныхъ и приход-

(1) Тилле—золотая монета. На наши деньги хивинскій тилле стоитъ около рубля серебромъ.

скихъ школъ Киргизы всегда могутъ видѣть въ Оренбургѣ. Въ высшихъ же учебныхъ заведеніяхъ Петербурга и Москвы курсы еще не начинались, когда мы тамъ жили,—это извѣстно, конечно, и автору; слѣдовательно, навѣщать подобныя заведенія намъ было не для чего, кромѣ развѣ удовольствія пройтись по пустымъ аудиторіямъ, какъ случилось въ горномъ корпусѣ и разъ въ Москвѣ, во время осмотра университетскихъ кабинетовъ.

Все путешествіе не стоило Киргизамъ ни копѣйки: проѣздъ впередъ и назадъ, квартиры и экипажи, даже кормовыя всѣмъ были отъ казны, да и не въ характерѣ бережливаго до скупости и ограниченнаго въ своихъ прихотяхъ степняка тратить деньги по нашему: одинъ изъ образованнѣйшихъ спросилъ какъ-то меня и султана Селдалина (мы съ нимъ жили въ одномъ номерѣ) во что намъ обходится ежедневно столъ и когда мы отвѣчали, что убиваемъ на него, кажется, всѣ порціоны, Киргизъ добавилъ: « а, нашъ обѣдъ стоитъ двугривенный на человѣка. » Подарки окупятся, пожалуй, каждому съ процентами—по степному обычаю всякій подарокъ между Киргизами ведетъ за собою отдарокъ; слѣдовательно, заключеніе въ заурядъ киргизскихъ отзывахъ: « и даромъ эта штука намъ не обойдется », чистая фантазія автора.

Я имѣю слабость думать, что здѣсь въ Оренбургѣ далеко лучше автора статейки знаютъ и Киргизовъ, и то какъ ихъ учить, и чему пока учить, а за тѣмъ я и совѣтывалъ бы г. Небольсину наставленія свои на этотъ счетъ поберечь до болѣе тщательнаго повторенія самимъ той назидательной книжицы, о которой мы говорили уже прежде и которую зовутъ здѣсь азбукой киргизскихъ степей Оренбургскаго вѣдомства. Дѣло въ томъ, что кто-то навязывался къ намъ въ менторство; хотѣлъ прокатиться съ нами и туда, и сюда, да это не совсѣмъ удалось. Не прикрывайтесь же, авторъ коварной статейки, маскою сочувствія къ Киргизамъ, чтобы не примѣнить къ вамъ извѣстнаго текста: *сіл же рече, не яко о нищихъ печашеся....* »

Левъ Плотниковъ.

Оренбургъ.
Ноябрь, 1860 года.